

Глеб Соколов

Король психов

Глеб Соколов
Король психов

«Автор»

2017

Соколов Г. С.

Король психов / Г. С. Соколов — «Автор», 2017

Солнечным днем по улице столицы шел человек. Пиджак и брюки, приобретенные им накануне в одном из самых дорогих бутиков Кутузовского проспекта, сидели отменно. Воротник белой рубашки слегка велик, но это не портило облика. Напротив, придавало господину артистического шарма. Такой непоколебимой уверенностью веяло от этого человека, так он, казалось, чувствовал себя всегда и везде хозяином положения, что случайно оказавшиеся в этот момент рядом с ним люди невольно засматривались на него, пытаясь угадать, кто он, по каким делам шагает по этой улице, и в чем заключаются те скрытые от посторонних глаз обстоятельства, которые позволяют ему каждую секунду бросать смелый вызов всем прохожим... Никто из этого множества прохожих, шагавших в жизнерадостном настроении рядом с негромко улыбающимся своим мыслям шикарно одетым господином, не мог и подозревать, что возле них – один из самых опасных и хитрых сумасшедших не только России, но и мира. Король психов. Текст в авторской редакции

© Соколов Г. С., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Глава восьмая	43
Глава девятая	49
Глава десятая	54
Глава одиннадцатая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Глеб Соколов

Король психов

Глава первая

Они рядом с нами

Евграф Тюрморезов

Солнечным днем по улице столицы шел человек. Пиджак и брюки, приобретенные им накануне в одном из самых дорогих бутиков Кутузовского проспекта, сидели отменно. Воротник белой рубашки слегка велик, но это не портило облика. Напротив, придавало господину артистического шарма. Он уверенно припечатывал к земле подошвы шикарных темно-коричневых туфель. Так, будто пытался оставить ими на асфальте отметины: «Вот, смотри, прохожий, ступивший на эту асфальтированную дорожку часом позже! Здесь не так давно протопал я! Помни об этом обстоятельстве!..» Такой непоколебимой уверенностью веяло от этого человека, так он, казалось, чувствовал себя всегда и везде хозяином положения, что случайно оказавшиеся в этот момент рядом с ним люди невольно засматривались на него, пытаясь угадать, кто он, по каким делам шагает по этой улице, и в чем заключаются те скрытые от посторонних глаз обстоятельства, которые позволяют ему каждую секунду бросать смелый вызов всем прохожим: старикам, старухам, парням, девушкам. Даже, кажется, детям. Всем тем, кто двигался ему навстречу. Да и самой этой весне!

А она в этом году случилась весьма бурной и ранней. Асфальт был сух и везде имел светло-серый оттенок. Кроме, разве что, тех мест, где его только на этой неделе уложили заново.

Никто из этого множества прохожих, шагавших в жизнерадостном настроении рядом с негромко улыбавшимся своим мыслям шикарно одетым господином, не мог и подозревать, что возле них – один из самых опасных и хитрых сумасшедших не только России, но и мира.

Король психов.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Евграф Тюрморезов, – сейчас его звали Семен Файбышенко, – происходил из крестьянской семьи. Даже в развалившемся совхозе, который не покинули только старики да совсем ничемные личности, где никого не удивишь малограмотностью и пороками, его родители прославились темнотой и угрюмым, необщительным нравом. Примерно лет с семи Евграф повел себя странно.

Поначалу мальчик стал уходить на длинные прогулки за окраину деревни.

Евграф выбирался за околицу и шел по дороге, которая вела к коровникам совхоза. Они были расположены примерно в километре от деревни. Совхоз давно уже превратился в акционерное общество, но жизни это в него не вдохнуло. Стадо постепенно исчезло, а земли зарастали сорной травой.

До унылых построек из оштукатуренного кирпича Евграф не добирался, а сворачивал на проселок, петлявший между полей.

Шагая по нему он заходил в самые безлюдные места, выбирал какое-нибудь одиноко стоявшее дерево или телеграфный столб, или копну сена. Садился возле них.

Мальчик замирал и часами сидел с открытыми глазами, глядя прямо перед собой, но ничего не видя.

Так продолжалось всю весну, – она в тот год оказалась ранней и жаркой, – а потом и все лето. В сентябре маленького Тюрморезова принялась мучить тупая, не прекращавшаяся ни днем, ни ночью головная боль. Он просыпался с ней и с ней же погружался в сон. Боль не проходила ни на минуту. Дошло до того, что мальчик, почти никогда не разговаривавший с матерью, подошел к ней, когда она возилась у старой печи, со слезами на глазах попытался пожаловаться... Евграф что-то лепетал, хватался за голову, – она лишь молча посмотрела на него. Вынула из печи огромный горшок щей. Так и не сказав ни слова, прошла мимо Евграфа в комнату, где у стола сидел, уставившись в одну точку на дешевой клеенке, старший Тюрморезов.

Мальчик пошел к топчану, на котором всегда спал, лег. Часов пять пролежал без движения, вытянув руки вдоль тела, прикрыв глаза.

Вечером Евграф вышел за калитку и отправился по своей всегдашней привычке гулять. Было уже холодно. Время от времени начинал моросить дождичек. Сидеть где-нибудь под деревом невозможно. В такую погоду Евграф обычно приходил к совхозным коровникам. Эти постройки давно опустели. Мальчик пробирался в незапертую дверь, находил себе местечко на каменном бортике внутри коровника, часами смотрел на царившую здесь унылую разруху.

На этот раз до коровников он не дошел.

Евграф Тюрморезов

Никто из множества прохожих не мог так же подозревать и о том, что Евграф Тюрморезов ищет в этом районе другого коварного и расчетливого психа, почти столь же опасного, как и он сам. Задумавшего, как предполагал Тюрморезов, нечто ужасное.

Псих

Поздним вечером приотворилась дверь одной из квартир девятиэтажного дома в микрорайоне, расположенном неподалеку от музея-заповедника «Коломенское». В образовавшуюся щель высунулся острый старушечий носик. Горевшая под потолком шестидесятиваттная лампа накаливания заливала тамбур неярким светом. Прикрывавший ее плафон много лет назад куда-то исчез. Кроме старухиной двери, в тамбур выходили двери еще трех квартир. Две выкрашенные коричневой краской створки, за которыми – лестничная клетка и лифт, заперты. Кто-то, стоявший за ними, еще раз надавил на кнопку. Провода, спрятанные в стену, соединяли ее со звонком в старухиной прихожей.

Резкий звук разнесся по тамбуру. Старуха дернулась: знала, сколь любопытны ее соседи. Ей не хотелось, чтобы гость попадался им на глаза. Подавив страх, она поковыляла к двери на лестницу.

«Нечего бояться! Он должен был прийти. Ну и что, что поздно?.. Меня предупреждали».

Старуха в последнее мгновение судорожно пыталась понять, не сделала ли она все-таки какой-нибудь ошибки.

Евграф Тюрморезов

Маленький Тюрморезов сошел с проселка и уселся прямо на холодную сырую землю. Вытянув ноги, он сначала широко расставил руки у себя за спиной, потом оперся на локоть. Ладонки и одежонка перепачкались в глине.

Так он просидел минут двадцать. Потом начал дрожать – все сильнее и сильнее. Холод, который исходил от земли, становился нестерпимым. Мальчик медленно, неловко поднялся. Минуту или две стоял без движения, точно ожидая чего-то. Потом пошел к деревне. Но и до нее он не добрался...

...Его увидел священник из церкви, единственной на всю округу – деревень на пять. Поп Иван, – так его звали здесь, – был человек достаточно молодой. Недавно ему исполнилось тридцать два. Он проезжал по шоссе, петлявшее между полей. До проселка было далеко, но зрение у священника – отменное. Из окна старенького джипа разглядел маленькую фигурку лежавшего человечка.

Не долго думая, Иван затормозил. Съехал прямо на поле, – кювета здесь не было. Осторожно покотил по жнивью...

Тюрморезов лежал уткнув нос в землю и отчего-то поджав под себя левую ногу. Когда поп Иван перевернул мальчика, то обнаружил: глаза его открыты, но зрачки закатились под веки. На священника смотрели два белка в красных прожилках. Тут же взгляд молодого мужчины упал на скрюченную судорогой левую руку мальчика... «Что с ним?!»

Сердце Евграфа билось. В себя он пришел, когда джип остановился у подъезда больницы. Она находилась соседней деревне. Врач, который мог судить о произошедшем только со слов попа Ивана да по отрывочным фразам Тюрморезова: «Болела голова, тошнило, поплохело... Ничего не помню», так и не поставил диагноза. Евграф был бледен, левая рука его слегка дрожала.

С этого дня началась странная дружба попа Ивана и маленького Тюрморезова. Священник в немалой степени заменил мальчику и мать, и отца на том первом, деревенском, этапе его жизни.

Через какое-то время поп Иван начал осознавать, что Евграф – сумасшедший. Но понимание пришло не сразу.

Дарья Дмитриевна

– Дарья Дмитриевна, это очень приличный мужчина. Лучшего квартиранта я вам просто не найду, – агентша, занимавшаяся посредничеством при сдаче квартир, говорила ласковым тоном. Явно находилась где-то на оживленной улице. Старуха, при том, что была туга на ухо, разбирала в телефонной трубке вой сирен и громкое урчание проезжавших грузовиков.

– Но почему так поздно? Это ж почти ночь, – выпалила старуха. – Давайте завтра.

«Прибьет меня и ограбит, – пронеслось у нее в голове. – Какие квартиранты в такую позднень?!»

Но тут же вспомнила своего последнего жильца, который исчез не заплатив. Он-то всегда появлялся не раньше полуночи.

– Ему очень нужно. Причем срочно и именно в вашем районе. Сегодня из гостиницы выехал. У него с одной хозяйкой была договоренность. Та неожиданно передумала.

«Почему передумала?» – рука, в которой старуха держала трубку старенького аппарата, слегка дрожала.

– Он внесет деньги прямо сегодня.

Старуха согласилась.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Вместо прогулок по дальним окрестностям деревеньки младший Тюрморезов теперь часами сидел на каменном полу церкви. Там на стене висело изображение ангела смерти, а под ним у панихидного столика- «кануна» – горели десятки свечей, поставленные за упокой. Сердобольные старушки бросили ему тюфячок. Чтобы от камней не проникал в него холод...

Часто подходил к нему поп Иван и забирал с собой в домик при церкви. В нем прежде жил другой священник, который умер и был похоронен здесь же, на маленьком приходском кладбище. Другие могилы там датировались десятилетиями прошлого века.

Для попа Ивана с его женой и тремя детьми домик был слишком мал. Церковные служки, – две пожилые женщины, – использовали его, как хозяйственное помещение. Раньше готовили здесь еду прежнему священнику, обедали сами. Одна из служек недавно померла. Вместо нее никого не появилось.

Другая служка большую часть времени проводила в самой церкви. Домик пустовал. Кроме пары часов в середине дня, когда поп Иван приходил сюда обедать. Если Евграф был в церкви, священник брал его с собой.

Но даже холодной осенью, когда в большой и гулкой церкви было прохладно, а маленький домик стоял жарко натопленным, поп Иван после трапезы выводил мальчика за дверь и замыкал ее на ключ.

Словно он знал, что есть причина, по которой ни в коем случае нельзя оставлять Евграфа в домике одного.

Псих

Человек, который стоял по другую сторону двери, не торопился заходить в тамбур. Он спокойно рассматривал отворившую ему старуху. Точно обдумывал, стоит ли иметь с ней дело.

Дарья Дмитриевна тоже внимательно вглядывалась в квартиранта, но ничего подозрительного в его внешности не обнаружила. Мужчина показался ей довольно молодым. «Эти намеренно из себя строят не пойми кого!.. Выкаблучиваются. По такому не разберешь: то ли жулик... То ли просто дурак дураком».

Презрение, которое старуха испытала к гостю, лишило ее страха. Раз перед ней очередной современный «идиот», значит, самое главное: будет ли пить, станет ли вовремя передавать за комнату деньги? Иных подвохов от «дурака дураком» Дарья Дмитриевна уже не ожидала.

Она отпустила дверь тамбура и поковыляла к своей квартире. Между тем за спиной у нее медленно двигался один из самых опаснейших сумасшедших нынешнего времени. Родом из северного русского города Углич он побывал под чужими фамилиями во многих городах. Везде старался избежать широкой известности. И все же добился ее, хоть и против своей воли. Правда под собственным именем он прославился лишь в нескольких психбольницах тюремного типа, – в тех, где содержались особо буйные и опасные пациенты.

– Вы водку пить будете?.. – спросила старушенция, заходя в квартиру.

Псих поморщился.

– Какую водку?.. Сейчас?.. Зачем? Я не пью.

– Очень хорошо, – пробормотала старушенция потирая руки.

Новый жилец начинал ей нравиться.

Псих зашел в квартиру и осмотрелся. Во владениях Дарьи Дмитриевны царили порядок и чистота. Мебель и вещи – старые, но хорошо сохранившиеся.

Старенький холодильник, стоявший в тесной прихожей, был куплен три десятка лет назад, но недавно покрыт слоем белой краски. Старушенция сама подновила его. Банку краски притащил из хозяйственного магазина предыдущий жилец. Он просрочил оплату за комнату. Старался подольститься к хозяйственной старухе.

На крашеном холодильнике лежала тоненькая циновочка из бамбука. От старости она растрепалась по краям, была укреплена черными нитками.

Через раскрытую дверь одной из комнат, – их было две и они располагались симметрично по сторонам маленького коридорчика, – виднелся сервант из лакированной древесно-стружечной плиты. На его стеклянной полке в дружбе и согласии уже несколько десятков лет квартировали старенькие часики в виде золотого ключика, фаянсовый олень с ветвистыми рогами, пластмассовый олимпийский Мишка, – эмблема московской олимпиады восьмидесятого года.

На приполке серванта лежали две такие же бамбуковые циновочки, как и на холодильнике. Симметрично одна к другой. На одной из них стояла копилка в виде серой ушастой мышки.

Кроме серванта через полураскрытую дверь была видна низенькая тахта с широкими красными подушками. Поверх них лежал полосатый матрас. На нем – куцая белая простынка и грубошерстное одеяло.

Дарья Дмитриевна распахнула дверь шире.

– Вот эта комната... Ее я сдаю. Белье заберу. Но если вам нужно... Только... – старуха замялась.

– Я заплачу, – угадав, что она хочет сказать, произнес Псих. – Скажете, сколько вам надо.

Старушенция на мгновение замерла: к щедрости квартирантов она не привыкла.

«Хотя, черт их всех знает...» – пронеслось у нее в голове.

– Лишнего не возьму.

Теперь ей уже хотелось, чтобы этот человек остался здесь.

Психу у старушенции тоже понравилось. Григорий Скворцов – это были очередные его вымышленные имя и фамилия, одни из многих, – носил в своей душе необузданный перевозданный хаос. Непролазная чаща диких мыслей не поддавалась никакому упорядочению и лечению. Поваленными стволами деревьев в ней любому здравому соображению дорогу перегораживали абсурдные идеи и представления. Но именно потому, что такой чудовищный сумбур содержался внутри его физической оболочки, вне ее пределов он обожал порядок и чистоту. Так бывает у особенно опасных психических больных.

Испытывая острое наслаждение, лже-Скворцов продолжал рассматривать старомодную обстановку. В маленькой прихожей помимо крашеного холодильника стояла допотопная кухонная тумба. Она досталась покойному старухиному мужу по наследству от матери, жившей в собственном домике в Люберцах.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Поп Иван был проницательным человеком. Еще в сельской больнице во время разговора с врачом – «почему такие сложности с диагнозом? Надо обязательно над этим поразмыслить» – он заподозрил в состоянии Евграфа что-то опасное.

Тяжелая болезнь сама по себе таит угрозу для жизни больного, но здесь было еще другое... Сельский священник еще раз заехал к врачу. Уже без мальчика. Говорил с ним. Заезжал к другому, третьему, – они работали в больницах двух ближайших районных центров. Никто не сказал ничего определенного... «Странные физические проявления...» – терзался свя-

щенник. – «Либо у несчастного мальчика нетипичные симптомы какого-то вполне заурядного заболевания, либо...»

Странно, но щемящая жалость, которую поначалу испытывал поп Иван к маленькому Тюрморезову, улетучилась практически сразу после того, как он узнал его поближе.

Это был не первый деревенский мальчик, которого священник принялся опекать. Почти все здешние семьи принадлежали к разряду крайне неблагополучных. Дети росли так, что больше заботы они бы получали, живя на положении сирот в детском доме. Поп Иван старался по мере сил сделать что-нибудь для каждого из них.

Евграф, как определил для себя молодой священник, «не был жертвой местных обстоятельств». Над ним тяготело что-то другое. Поп Иван сделал этот вывод не на основании фактов. Он руководствовался лишь собственной интуицией. «Словно парень чего-то недоговаривает. Существует у него какая-то иная жизнь, другие обстоятельства, о которых никто ничего не знает... Именно там кроются причины его странного поведения».

Священник отправился в районный центр, долго сидел там в единственном кафе, в котором работал Интернет, бродил по всевозможным медицинским сайтам. Постепенно поиск сузился до тем психиатрии. Поп Иван обнаружил, что симптомы Тюрморезова могут, – поначалу это показалось священнику странным и невероятным, – сопровождать... Тяжелое психическое заболевание. «Не это ли – то загадочное обстоятельство, которое довлеет над мальчиком?»

Из кафе поп Иван вышел обуянный страхом. Он проклинал себя за него, ему было стыдно, но он не мог совладать с собой. Он вдруг осознал, с какой огромной проблемой может столкнуться в самое ближайшее время. Ведь священник «пригрел» и почти что уже «приручил» психа. Такого, чья болезнь находится в своем страшном развитии, которое заведет его неизвестно куда. Что тогда поп Иван станет делать со своим подопечным?.. «Вернее, что подопечный станет делать со мной?» – безжалостно переформулировал вопрос поп Иван.

Глава вторая Группа личностей

Псих

– Радиоточка... – Скворцов кривовато усмехнулся. Взгляд устремлен на радиоприемник из белого пластика, выпущенный сорок лет назад.

– Она выключена. Плохо работает, – проговорила Дарья Дмитриевна. – Жилец мой, который до вас снимал, ее не слушал.

Скворцов шагнул к допотопному комоду и повернул регулятор громкости стоявшего на нем устройства.

Раздался треск. Но радио не заговорило. Лже-Григорий подался на середину комнаты и громкоговоритель заработал сам собой, видимо от какого-то едва уловимого сотрясения деревянной поверхности, на которой стоял.

Шла передача о панических слухах. В последнее время они распространялись среди населения столицы. Якобы одна хорошо законспирированная террористическая группа планирует осуществить акцию под кодовым названием «Жертвоприношение». Неким варварским способом, – суть его была неизвестна, – одновременно будет умерщвлена тысяча человек.

Информация о «Жертвоприношении» впервые появилась на странном сайте – рупоре «общественного объединения «Группа личностей»». Что за «Группа личностей» понять из сайта было нельзя.

Едва страничка стала пользоваться хоть какой-то популярностью, она оказалась заблокирована.

Вскоре на газораспределительной станции, расположенной рядом с Москвой, был предотвращен сильнейший взрыв. Человек, который едва не устроил его, пытался скрыться. Его преследовали. Он оказался вооружен пистолетом, застрелил охранника. Через пару часов при задержании получил пулю от наряда полиции. Не приходя в сознание, умер в больнице.

Мотивы, по которым злоумышленник хотел взорвать станцию, остались непонятны.

История породила слух: один из врачей этой больницы проговорился другу, что в кармане раненого был обнаружен блокнот. На его первой странице шариковой ручкой нарисовано несколько эскизов эмблемы некоего общественного объединения под названием «Группа личностей». Все рисунки вертелись вокруг темы газовой станции. Она изображена в момент взрыва: море огня, летящие в разные стороны обломки.

Телеканал, старавшийся проводить информационную политику, максимально независимую от властей, сообщил об этом на следующее утро. Сюжет повторялся во всех дневных выпусках. Но в итоговой новостной передаче, выходявшей в «прайм-тайм», его уже не было.

На это обратили внимание блогеры, прежде ознакомившиеся с сайтом «Группы личностей».

Каша заварилась... Но масштабной паники на тот момент еще не было. Возникла позже, когда сотни людей, – в основном это были сотрудники средств массовой информации, представители крупных корпораций, – стали получать по электронной почте «подметные письма» от имени «Группы личностей», В них декларировалось намерение устроить в ближайшее время в Москве «Жертвоприношение». И не одно. Следом по ящикам домов

в нескольких микрорайонах были разбросаны отпечатанные на ризографе листовки. Содержание у них было то же: трепещите, грядет «Жертвоприношение».

Но и это была не последняя капля.

В прямом эфире одной из рейтинговых и вполне уважаемых радиостанций прошла передача, посвященная угрозе терроризма. Тема общая, но ведущий, принимавший в студии гостей, – нескольких экспертов, – вывел в эфир звонок человека, который достаточно подробно рассказал всю историю с угрозами «Группы личностей». Такой, какой она была известна в тот момент.

В передаче возник жаркий спор о возможности обсуждения подобных тем. Можно ли давать такие звонки в прямом эфире.

Уже после передачи возник скандал. Владельцы станции предъявили претензию ведущему: он не должен был давать слово позвонившему в эфир человеку. Скорее всего, этот слушатель был сам членом «Группы личностей». И использовал радиоэфир для того, чтобы сообщить о ее существовании и ее угрозах как можно большему количеству людей.

Журналист отреагировал на претензии руководства очень резко, начал спорить и был моментально уволен.

Об этом стало известно другим журналистам. Многие его защищали. Развернулась дискуссия: прав он, или нет. Не без вмешательства свыше ее стремительно прекратили.

«На каждый роток не накинешь платок». Информационный ком разрастался.

Вскоре замалчивать угрозы со стороны «Группы личностей» стало бессмысленно. Кодовое название «Жертвоприношение» оказалось известно каждому жителю столицы...

– Мне кажется, глупо идти у них на поводу и пытаться предугадывать какие-то подробности... Газовую станцию они взорвут или Останкинскую башню. Это все чушь! – динамик радиоточки передавал слова ведущего передачи. – Никакой угрозы нет. Это подонки, которые просто хотят взбудоражить общество.

– Согласитесь, они неплохо провели пиар-акцию... – второй голос, видимо, принадлежал человеку, дозвонившемуся в студию по телефону.

Что было сказано следом, Дарья Дмитриевна и лже-Григорий не слышали. Динамик захрипел и смолк.

– Я же говорила: не работает, – шаркая ногами старушенция подошла к комоду и повернула против часовой стрелки регулятор громкости. Скворцов заметил: рука у нее чуть дрожала. – Вы радио любите слушать?.. Мастера тогда надо вызвать. Починить. Не знаю, где чинят. Сами этим занимайтесь, если хотите, – старуха со злостью посмотрела на квартиранта.

Тот опять приблизился к комоду, уставился на радиоточку. Дарья Дмитриевна почувствовала сильное раздражение. «Дался ему этот громкоговоритель!»

Квартирант взял радиоприемник в руки, перевернул его. Схватил лежавшие рядом на столе ножницы, – старуха попяtilась. Ловкими, точно рассчитанными движениями Скворцов открутил несколько винтов и снял заднюю стенку. Она была из плотного картона.

Раньше время от времени его охватывали приступы дикой подозрительности, стремительно перераставшие в паранойю. Тогда лже-Григорию представлялось, что за ним следят, кругом установлены подслушивающие устройства. Радиоточки, квартирные телефоны, старые телевизоры в громоздких корпусах – идеальные места для того, чтобы вмонтировать их... Когда приступ заболевания доходил до своего пика, Скворцов, будем все же называть его этим именем, принимался последовательно разбирать все находившиеся рядом бытовые приборы.

Когда постепенно возвращался в реальность, собственная подозрительность казалась напрасной. Начинал все привинчивать обратно.

Предпоследнее лечение не сделало его психику полностью здоровой. Но, как ни странно, приступы паранойи исчезли. При этом навык раскручивать, добираясь до нутра, различные типы бытовой аппаратуры – остался.

– Все ясно... Вот здесь резистор износился. – Скворцов подергал маленький черный барабанчик с торчавшим из него штырем. На него была надета рукоятка. Радиоточка вновь заговорила.

Рекламировали средства от ревматизма. Псих увернул звук и поставил громкоговоритель на стол.

– Ловко вы это. Но еще закрыть... – Дарья Дмитриевна смотрела на беспорядочно разбросанные по комоду винты и картонную крышку. Радовало, что после долгого молчания радиоприемник снова заработает.

Ее смутило выражение лица квартиранта: оно стало отупелым.

Скворцов смотрел на развинченный громкоговоритель и чувствовал, как сознание захлестывает волна неприятных ассоциаций. Он плохо себя чувствовал – сказывалось чудовищное напряжение последних дней. В таком состоянии мог сорваться. Упасть в хорошо знакомый черный колодец. Оттуда могут достать, – это он отлично усвоил, – только в психбольнице.

«Нет! Только не паранойя! От нее я вылечился, избавился», – огромным усилием воли Григорий отогнал цепь логических рассуждений, вертевшуюся в уме и не сулившую ничего хорошего: «Зачем я разобрал этот приемник? – Он сразу показался мне подозрительным. – Как и эта старуха. – А не подстава ли это? – Слишком все хорошо. – Хотят заманить в ловушку. – Сдать квартиру. Прослушивать меня здесь и потом взять с поличным. Старуха наверняка ничего не знает. Ее используют втемную...»

Наваждение отступило. Скворцов глубоко вздохнул. Потер ладонью затылок. От тревожных рассуждений начинала побаливать голова. «Отдохнуть бы...» Представил, как падает на кровать... Уткнуться лицо в подушку. В течении нескольких суток вставать лишь изредка. Чтобы дойти до туалета, рядом – в ванной комнате – жадно выпить из крана десяток глотков холодной воды. Следом повалиться обратно...

– Я снимаю вашу комнату. Приемник завтра с утра закручу, – в изнеможении лже-Григорий уселся на тахту. Чувствовал: с ним далеко не все в порядке. Хотя «порядок», применительно к его душе, – понятие условное...

Лучше бы старуха сейчас оставила его в покое.

Евграф Тюрморезов в прошлом

И все же поп Иван возился с маленьким Тюрморезовым не только потому, что видел в этом свой долг. Евграф был незаурядным мальчиком. Немногословие и замкнутость укрывали от собеседника, как штормой, все, что происходило в его душе. Но несмотря на это священнику несколько раз удалось проникнуть в его внутренний мир.

Там жили яркие, странные образы: ангел смерти, который отделялся от своего изображения и бродил по темным углам церкви, сморщенная старушка-служительница. Она помогала священнику по церковному хозяйству, а на самом деле была перевоплощением божественного лика, изображенного в храме под самым куполом.

Поп Иван пытался отыскать в душе Евграфа темный угол, мрачную зону, которая давит на весь характер мальчика, делает его непохожим на остальных. Но у него ничего не получалось. Или мрачной зоны не было?... Однажды осенью поп Иван убедился в ее существовании.

Евграф появился на темном церковном дворе еще когда храм был закрыт. Служка, – та самая, казавшаяся ему воплощением божественного лика с фрески, – распахнула тяжелую, окованную железом дверь.

Оказавшись внутри, Тюморезов сразу направился к столику, на котором были установлены поминальные свечи. Давно привыкшая к странному мальчику служка принялась подметать веником пол.

Евграф вел себя очень тихо. Вскоре она позабыла о его присутствии.

Через час приехал поп Иван. Он не знал, что мальчик уже в церкви. Священник несколько раз проходил через весь храм, но Евграф ему на глаза не попадался.

Минуло полдня. Поп Иван ждал мальчика. Привыкший обедать в обществе Евграфа, на этот раз он трапезничал в одиночестве. Беспокойство нарастало. «Где может быть Тюморезов?!»

Он был уверен: отсутствие мальчика не случайно. Что-то произошло.

После обеда батюшка продолжал высматривать мальчика в церкви, – не пришел ли? Но Евграфа по-прежнему не было.

Пожилая служка отлучилась в соседнюю деревню, где помогала на поминках. Вернувшись, – было около семи вечера, – она рассказала батюшке, что рано утромпустила Евграфа в храм.

После этого тревога попа Ивана только усилилась. Он попросил служку сходить к Тюморезовым домой, проведать – там ли мальчик. С оханьями пожилая женщина вновь покинула церковь. У нее болели ноги. В этот день она уже проделала пешком немалый путь. Но у попа Ивана тоже были в храме дела, которые он не мог бросить.

Прошло еще долгих полтора часа. Наконец, служка вернулась: Евграфа с раннего утра дома не было. Поп Иван решил немедленно пройтись по полям вокруг деревни. Поискать мальчика там. Но в этот момент в разговор священника и служки вмешалась одна старушка – прихожанка храма. «Я видела Евграфа несколько часов назад здесь, в храме, – сказала она. – Мелькнул на мгновение, а потом исчез. Даже подумала, что мне померещилось».

Это обстоятельство показалось священнику особенно странным. «Что это значит?» Поп Иван покинул алтарь и медленно пошел по церкви. Прихожан в этот вечер было мало. Не пришло и большинство старушек, которые всегда помогали священнику.

Батюшка замечал, что атмосфера в храме отличается от привычной. Под его сводами в другие дни непременно горело множество свечей. Их сияние позволяло попу Ивану не пользоваться электричеством. Старая проводка вполне могла стать причиной пожара...

Теперь же кругом был полумрак: наступило время зажечь лампочки.

«Несколько часов назад он был здесь. Но я повсюду искал его!.. Почему же таки не увидел?»

Батюшка продолжал всматривался в темные приделы храма. Мальчика нигде не было.

Какое-то странное чувство не давало ему прекратить поиски. Он принялся последовательно, квадратный метр за квадратным метром изучать внутренности церкви. При этом был готов к самому ужасному: вместо живого мальчика найти его мертвое тело...

Батюшка обошел весь храм. И в конце концов начал проклинать себя за напрасные поиски. Потратил на них много времени!.. А Евграф в это время лежит под темным небом на проселочной дороге. Уткнувшись лицом в землю и неловко поджав под себя левую ногу. Как тогда, когда поп Иван увидел его впервые.

Батюшка быстрым шагом двинулся к выходу из церкви. Но какой-то мгновенный порыв заставил его свернуть с пути и подойти к поминальному столику. Пару секунд он рассматривал горевшие свечи.

И только после этого, наконец, заметил у стены рядом с «кануном» младшего Тюморезова. Взгляд мальчика был уставлен куда-то в пол, выложенный керамической плиткой. Он как будто бы не видел священника.

Батюшке показалось: Евграф в каком-то странном ступоре, сознание его отключено.

От неожиданной встречи попа Ивана охватило оцепенение. Он не шевелился. Не мог понять, как получилось, что прежде, подходя к поминальному столику и осматривая углы вокруг него, не увидел Евграфа. Или его здесь не было? Но откуда тогда появился?

Вдруг Евграф повернул голову и усталый свой взгляд на священника.

– Я целый день прятался от тебя!.. В этой церкви много мест. Только я тебе о них не скажу...

Следом Евграф попросил батюшку сделать шаг в сторону. Поп Иван, слишком уставший за целый день от волнений и окончательно сбитый с толка, послушно выполнил «предписание»...

Хоть его и нельзя было назвать толстяком, молодой священник обладал значительным весом – был высокого роста, широк в плечах и кости...

Черная ряса попа Ивана колыхнулась, когда он сделал тяжелый, усталый шаг в сторону...

Твердая опора, которая была под ногами священника, – выложенный плиткой пол, – разверзлась. Он рухнул вниз.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Ободрав о края пролома руки и плечи, батюшка упал на какой-то камень, ноги его подломились. Тут же повалился на бок. Священника охватил ужас. Кругом была тухлая жижа. На мгновения ему показалось, что захлебнется в ней, утонет.

Псих

– А деньги-то... – пробормотала Дарья Дмитриевна неуверенно. Показалось, что квартирант уже заснул. Прямо на стуле.

– Да... Деньги. Я вам за все заплачу, – он не открывал глаз

Псих изо всех сил сдерживался, чтобы не наорать на старуху. Ее «дурацкие» вопросы бесили его.

– Давайте! – подбоченясь, строго произнесла Дарья Дмитриевна.

Псих ощутил: точка перелома – вот она. Либо он сейчас все испортит, либо...

Засунул руку в карман и выгреб свою последнюю наличность: несколько тысячных купюр, монеты... Бросил на стол.

Пятирублевка покатилась по поверхности. Ударившись о корпус радиоточки, со стуком упала. Скворцов уже расправлял бумажки.

– Этого мало, – проговорила старуха.

– Но дней за десять-то хватит, – Псих поднял на нее глаза. Впервые вымучил на своем лице улыбку. – Завтра вот радиоприемник вам починю...

– Мне разговоры разговаривать некогда. Или платите, сколько вам сказали, или вот вам бог, а вот – порог.

Старуха вдруг забеспокоилась о радиоприемнике. Представилось: несостоявшийся квартирант сгребет со стола деньги и уйдет. А она пальцами с едва гнущимися большими суставами начнет приделывать обратно эту картонную крышку. «Не смогу... Придется просто обвязать все бумажной веревкой. Будет некрасиво. Ай, как нехорошо без крышки!»

– Я завтра... Самое позднее послезавтра вам доплачу!.. Ничем не рискуете: я же вам кое что вперед уплатил. Ну же, Дарья Дмитриевна, дайте починить радиоточку старому радиоинженеру у которого через пару дней зарплата! – Псих вновь улыбнулся. Теперь в его лице можно было даже рассмотреть намек на обаяние.

– Так вы инженер! – старуха расплылась в ответной улыбке. – Профессия серьезная. То-то я смотрю, как ловко вы его раскрутили...

Евграф Тюрморезов в прошлом

Построенная еще при Николае Первом на деньги богатого купца, происходившего из этих мест, старая деревенская церковь давно нуждалась в ремонте.

Дождливой осенью подвал затапливало водой, фундамент храма местами просел вниз. В одном месте за алтарем кирпичи пола провалились в подвал. Но громоздкая церковная утварь загораживала это место и батюшка до сих пор не обратил на него внимания.

Тюрморезов, проводивший в церкви большую часть свободного времени, с самого начала полюбил валяться на полу. Делал он это в разных приделах храма и очень скоро обнаружил и эту дыру, за которой – темнота подвала, и несколько других, образовавшихся совсем недавно.

Евграф заранее расшатал кирпичи вокруг пролома. Дождавшись, когда в церкви останется лишь старая невнимательная служка, он вынул их. Теперь дыра была достаточно широкой, чтобы Тюрморезов мог в нее протиснуться. Он снял с поминального столика горевшую свечу, спустился в подземелье.

Под храмом было пусто. Лишь замшелые своды, полузатопленные камеры...

Хорошо видно, что фундамент церкви оседает. Некоторые его части проваливались вниз сильнее других. В местах перекоса кирпичная кладка арочных сводов трескалась. К тем проломам, которые уже существовали в полу церкви, вскоре добавится еще множество...

После алтаря самая широкая щель образовалась рядом с поминальным столиком. Кирпичи вокруг нее еле держались. Сверху они были прикрыты керамической плиткой, поэтому ни служка, ни поп Иван, ни прихожане пока ничего не замечали.

Через несколько дней после первой «экскурсии», Евграф тайно спустил в подземелье старую маленькую лестничку. Ей редко пользовались. Пропажи никто не заметил. Затем у плотника, выполнявшего какие-то работы в домике при церкви, украл молоток. Приставив лестничку к выступу в стене подземелья, Тюрморезов принялся работать молотком.

Он выбирал моменты, когда в церкви было пустынно и поблизости не стоял поп Иван или кто-то служек. Работать старался как можно тише.

За несколько дней расшатал кирпичи под тем местом, что находилось паре шагов от «кануна». Но сделал это так расчетливо, что пока еще у пола хватало прочности выдержать наступившего на него человека.

Оказавшись этим утром в церкви, Тюрморезов улучил момент и незаметно юркнул в подвал. Спички у него были с собой, а свечи, украденные «у святых», заранее припасены в сухом местечке.

Глава третья

Как стать богатым, не имея справок и поручителей

Лопоухий Миша.

– У меня нет ни справок, ни поручителей... Точно? – проговорил звероподобный субъект, едва пропустив гостя, «персонального менеджера» из фирмы ООО «Быстрые деньги на дом», в дверь квартиры.

– Что точно?.. – увидев заемщика, который сегодня утром позвонил им в контору по телефону, молодой человек растерялся: будущий должник был внушительного роста, а по обеим сторонам круглой большой головы торчали бледно-розовые, широкие, как радиолокаторы, уши.

Михаил, – так звали хозяина жилья, – подбоченился. Тщательно выговаривая слова и плотно сжимая после каждого из них губы, – оттого речь делалась длиннее, – произнес:

– Соответствует ли то, что есть на самом деле, тому, что вы указываете в своей рекламе. Вот, что я имел в виду... Заявленное и объявленное, то, что сказано и то, что будет. Я верю в сказки. Но их волны разбиваются о скалы моего реализма. Я спокоен...

– Да. Конечно. Вы получаете кредит по одному паспорту, – пробормотал смущенный персональный менеджер и исподтишка осмотрел коридор. Квартира была коммунальной. В дальнем конце коридора из двери высунулась голова какой-то тетки. Ей явно было любопытно, кто пришел. «Мы здесь не одни: народу тут должно быть много. Ишь, какой клоповник!..» – с презрением подумал молодой человек. Слово в подтверждение его мыслей еще одна дверь раскрылась. Оттуда вышел, двинулся по коридору в их сторону лысый дядечка лет шестидесяти.

Тревога, которую испытал молодой человек в первые мгновения, мгновенно улетучилась.

– Вы сообщили, что вам нужно две тысячи долларов, – проговорил он. – Но это будет в рублях. В пересчете... Хотите – чуть больше.

– Здесь не надо... – лопоухий засуетился. – Поговорим в моей комнате. Тут все любопытные.

Лопоухий верзила глянул не медленно приближавшегося соседа. Тот не отрывал от них глаз.

– Сюда... – лопоухий схватил молодого человека за руку и потянул к двери в ближайшую комнату. Она была распахнута. Втолкнув «персонального менеджера» за порог, Миша закрыл дверь, повернув на два оборота рукоять старенького английского замка.

Под его металлический лязг, раздававшийся за спиной, менеджер рассматривал некачественную обстановку. Молодой человек никогда не бывал в старых коммунальных квартирах.

Узенькая и короткая старая тахта, застеленная пледом... «У него должны свисать с нее ноги» – подумал «персональный менеджер» о лопоухом. Старый буфет с грязным треснувшим стеклом, за которым виднелись разномастные чашки с блюдами, рюмки, старомодный графин, тарелки разного размера, поставленные одна на другую. Когда-то все это было частью нарядных сервизов. Их доставали по праздникам, чтобы поставить на стол для приема гостей. Большая часть посуды давно разбилась и лишь жалкие остатки, – в трещинах, со щербатыми краями до сих пор хранилась в буфете на полке, сделанной из цельной толстой доски. Круглый стол, накрытый запыленной скатертью с «золотой» бахромой. На нем лежал российский паспорт в потрепанной красной обложке.

Ближе к окну, – стекло его было таким же грязным, как и те, что в дверцах буфета, – громоздился платяной шкаф. В углах под потолком ключьями висела паутина.

«На ремонт что ли одалживает?» – предположил гость и шагнул к столу. Два приставленных к нему венских стула были с обвалившимися вертикальными рейками на спинках. Покосившиеся, они образовывали на обоих стульях два креста «ХХ». – «Точно: он недавно завладел этой комнатой и хочет обновить обстановку!»

Молодой человек любил простоту, ясность во всем и старался всему найти заурядное объяснение.

Лопоухий проживал в этой комнате с рождения. Когда-то здесь жили еще его бабка с дедом и мать. Мыслей что-либо менять в здешней обстановке у Миши не было. Его все устраивало. Деньги он занимал для других целей.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Евграф успел изучить залитое водой подzemелье. Теперь он спокойно, ни разу не замочив сапожек, пробрался к лестнице. Еще неделю назад он бросил в грязную жижу, которой был покрыт низ подвала, кирпичи. По ним можно было переходить с места на место.

За пару часов до того, как поп Иван появился в церкви, мальчик окончательно расшатал кирпичную кладку арочного свода рядом с «кануном». Она теперь еле держалась и готова была в любой момент рухнуть вниз.

Евграф не надеялся, что в западню попадет сам священник. Какая-нибудь богомолка, может – старая служка. Она подойдет к поминальному столику убрать свечные огарки... Ему и ее будет достаточно.

Такие сумасшедшие, как Тюрморезов, часто совершают поступки, мотивы которых не могут объяснить даже себе. При этом их способности творить зло велики.

Сделать сложную ловушку и терпеливо ждать, когда кто-нибудь из взрослых попадет... Такое для маленького психа – задача, которую может решить с легкостью.

От Евграфа можно было ожидать и больших «подвигов». Без особых усилий мог осуществить значительно более изощренную и жестокую операцию. Зажечь, к примеру, храм, когда в нем полно народа. Во время многолюдных крестин или венчания. Подпереть массивные входные двери снаружи колом.

Слава богу, в сельской церкви давно не собирались толпы. И шансы стать жертвами были, главным образом, у богомольных старух.

Да и Тюрморезов не предполагал совершать особенные «подвиги». Не рассчитывал ни на какой «выдающийся» результат.

О последствиях не думал. Собираясь нанести людям вред, ни разу не почувствовал угрызений совести.

Вечер выдался безлюдный. Все ухищрения Тюрморезова оказались напрасны. Просидев почти целый день в сыром и холодном подzemелье он в конце концов не выдержал и поднялся вверх. Прошелся, держась темных стен, по церкви. Увидел попу Ивана. По тому, как тот заглядывал в темные церковные приделы, Евграф догадался, что батюшка его ищет.

Тюрморезову не хотелось встречаться с попом. Его раздражало, что в ловушку до сих пор никто не попался. Разговор со священником, наверняка, затянется надолго. Евграф может пропустить самое главное.

Неожиданно священник повернул к «кануну». Тюрморезов испытал воодушевление. Ступая на цыпочках, двинулся вслед за батюшкой. Тот рассматривал темные углы и не замечал Евграфа, который находился за его спиной.

Священник прошел совсем близко от опасного места, остановился возле поминального столика. Чуть бы правее – и Тюрморезов мог бы торжествовать победу!..

Мальчик испытал разочарование. Они все будут ходить мимо, но никто не наступит, куда нужно! Ждать бесполезно.

Расстроенный Тюрморезов приблизился к попу и встал у стены. Он больше не прятался от священника, но тот его не видел.

Наконец батюшка устал на него взгляд.

Евграфа душила злость: ничего не вышло! Хотя священник – всего в каком-нибудь шаге от того самого места! Он хотел взять попа Ивана за руку и медленно повести его за собой, так чтобы тот прошелся по ловушке. Но вместо этого нетерпеливый Тюрморезов просто попросил батюшку сделать шаг в сторону...

Лопоухий Миша.

Лопоухий Миша не был богатым человеком и не владел элитным жильем, но на новых московских окраинах бывал редко, – презрительно называл современные спальные районы у кольцевой автодороги «клоповниками». Хотя на огромное вместилище насекомых, – как отметил про себя и побывавший у него в гостях «персональный менеджер», – больше походил его собственный старый дом с коммунальными квартирами. Впрочем, дом считался памятником архитектуры.

Сейчас лопоухого занесло на самую окраину. Это была конечная станция метро. Выйдя из вестибюля, Миша сразу увидел на противоположной стороне площади вывеску: банк располагался в первом этаже старого административного здания. Лопоухий подошел к светофору, остановился. Горел красный.

Весна была ранней, сухой и солнечной. Впрочем, особого контраста с последним зимним месяцем не было. Уже в январе почти исчез снег, а в феврале, ярко светя в голубом небе, начало припекать солнце. Ступив на проезжую часть, когда горел желтый и через перекресток еще неслись автомобили, лопоухий с удовольствием отметил: погода ему благоприятствует.

Он ненавидел сырые, пасмурные дни. Особенно их вечера, когда вокруг черно и городские огни расплываются в тумане. Тогда Миша не находил себе места. Охватывала чудовищная тоска. Глядя на внушительную фигуру, на зверскую физиономию, никто не мог заподозрить в нем подобной эмоциональности. Она делала его слабым, – лопоухий знал это...

Было приятно, что тепло и солнечно. Значит, у него не станут путаться мысли. Он сможет четко и до конца выполнить все черные намерения...

Вот и банк. Перед автоматическими дверьми Миша остановился. Лишь дождавшись, когда они разъедутся в стороны на всю ширину, медленно прошел внутрь. Лопоухий казался себе большим и нескладным, эдаким «слоном в посудной лавке». При общении с «приличными» людьми и в «приличных» местах на него находила особенная осторожность, скованность в движениях. Все боялся разбить, сломать что-нибудь.

В банке, когда сообщил, что хочет поговорить насчет кредита, из-за стойки вышла молодая девушка. Предложила место в зале: стул за изящным простеньким столиком с синей крышкой из пластика. Блестящие металлические ножки столика расходились в стороны, как опоры у гимнастического «коня».

Девушка ушла обратно за стойку, а когда вернулась – положила перед Мишей папку из кожзаменителя, полную бумаг.

– По паспорту?

– Да, – уверенно ответил лопоухий. Это был не первый кредит, который вешал на себя в последнее время. Набравшись опыта, хорошо знал, что и как говорить.

– Вы знаете, мы выдаем кредит по одному паспорту только в случае, если у вас уже есть кредитная история...

– У меня такая большая кредитная история, что вы обалдеете, – самодовольно проговорил Миша и тут же пожалел о сказанном.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Когда поп Иван барахтался в грязной и холодной воде на полу подземелья, ему послышался смех. Раздавался где-то под сводами церкви и доносился до него через пролом. Или ему показалось?

Наконец, батюшка поднялся из воды. В подземелье темно, но через дыру сверху проникло немного света.

Он принялся звать Евграфа. Тот не откликнулся.

«Мне не послышалось. Это он смеялся!» – подумал поп Иван.

Батюшка принялся звать на помощь, но церковь была пуста...

Лопухий Миша

Погода стремительно, за несколько часов, испортилась. Небо заволокли грязно-серые тучи, стало темно, как поздней осенью. Невесть откуда взялся холодный сырой ветер. Ни по одному из кредитов, которые он набрал в банках, Миша не вернул ни копейки: все деньги занял в течение последнего месяца, срок расплаты еще не наступил.

В сегодняшнем банке выдать заем отказались. Лопухий попытался скандалить, но на девушку это не произвело впечатления. Она позвала начальницу. Та холодно объяснила ему: для них имеют значение только кредиты, по которым он благополучно расплатился.

Лопухий вернулся с окраины в свой старый район ни с чем. Попытался сосчитать, сколько заемных средств хранится в спортивной сумке под его тахтой, сколько – на счете в «Сбербанке», но мысли путались... Одно представлялось четко: до требуемой величины свой «совокупный капитал» еще не довел. Времени на это становилось все меньше и меньше. Главное – с трудом представлял, куда еще можно обратиться за кредитом.

Друзья из «Группы личностей», к которой принадлежал, скоро потребуют, чтобы осуществил задуманное.

Миша отпустил дверь метро. Ее тут же перехватил следующий человек. У выхода из станции сновали толпы народа. До подъезда верзиле – примерно с минуту ходьбы.

На пяточке между метро и его домом любили собираться самые разные люди. Они притекали сюда из близрасположенных улиц и не торопились заходить в вестибюль станции: бродяги, которым некуда ехать, работники офисов, желавшие выпить, но не привыкшие посещать кафе, распространители листовок...

Верзила затосковал. Подумал с ненавистью: «Проклятый город!» Рожи навстречу попадались отвратительные. На всех лежала серая печать. «Дети дьявола! Смотрят на меня со злостью. Всем я не нравлюсь, – неслось в голове у Миши. – Небось, потешаются втайне над моими ушами... Тоска!»

Сгустившиеся черные мысли вызвали странную реакцию: верзила неожиданно испытал душевный подъем. Задуманный план, настолько смелый, что нет-нет, да и заставлял сомневаться в его правильности, показался единственным способом одолеть... Что? «Все это»: площадь перед метро, «проклятую» жизнь, снующих перед его глазами людишек, работу, на которую Миша, испытывая невероятные муки, через силу ходил уже длительное время...

Вот и его большой, серый, бесформенный, как куча щебня, дом. Черная дыра подъезда. Дверь, обычно запертая домофоном, теперь раскрыта настежь. Лопухий испытал беспокойство... Тут же прогнал его, – если кто-то покусится на спрятанные под тахтой деньги,

распахивать дверь подъезда настежь ему вовсе ни к чему. Тусклый свет лампочки освещал старую лестницу, шахту лифта. Она была огорожена металлической сеткой, выкрашенной в серый цвет.

«Как только окажусь в комнате, лягу на тахту и буду лежать на ней, думать до тех пор, пока не выдумаю, где занять еще денег» – решил верзила.

Тут же он вспомнил об еще одном деле, выполнение которого до сих пор затягивал. А ведь оно было в Мишином плане главным. Без его успешного осуществления нечего было и думать обо всем остальном.

Настроение Миши упало. Он вошел в подъезд, стал энергично подниматься по лестнице. Решительной ходьбой пытался развеять страхи и сомнения, усилившиеся в душе.

У перил лестницы на расстоянии одного пролета от двери подъезда стояли парень с девушкой. Снизу за решеткой лифта он их не заметил.

Парень что-то рассказывал подруге, а она курила и молча слушала. Должно быть, стоя на этом месте, она спалила не одну сигарету. Пол возле загибавшихся и мчавшихся вверх лестничных перил усыпан пеплом.

– Вернулся порожняком. Машину бросил и пошел. Опять эти... Точно!.. Говорят, полиция теперь ходит по квартирам и обыскивает всех подряд... – расслышал Миша, пока отпирает дверь квартиры. Парочка стояла в паре метров от нее.

Лопухий не мог припомнить этих молодых людей. Прежде их в своем подъезде не встречал. Впрочем, дверь была раскрыта, – они могли просто зайти с улицы. Вот только зачем? Искали уединения?

Миша слишком устал, чтобы ломать голову над такими вопросами.

– Хватит брехать! – громко произнесла девушка и сплюнула сквозь зубы на пол.

Верзила прошел внутрь, захлопнул за собой дверь.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Только через три часа глуховатая служка расслышала крики батюшки. Она принесла свечи. Потом дошла до дома, который был расположен к церкви ближе остальных, позвала оттуда людей. Они и помогли попу Ивану выбраться из подземелья.

Евграф исчез. Однако потом кто-то из мужиков, помогавших батюшке, рассказал: видел парнишку возле церковной ограды, – через открытую дверь храма тот пытался рассмотреть, что происходит внутри.

Глава четвертая

Два бутерброда с колбасой и бутылка кефира

Максим Косопузов

Напряжение, связанное с «Группой личностей», с каждым днем усиливалось. Тем вечером, когда лопоухий Миша пытался взять в банке очередной кредит, на столичном мясоперерабатывающем комбинате замерло производство. Сотни грузовых автомобилей, выехавших со своих баз за его продукцией, вернулись ни с чем. Отчего возник перебой в работе, так и осталось неизвестным. Официальная версия гласила: «Профилактическая остановка». Даже рабочие не верили в нее. Прежде о профилактических работах объявлялось заранее.

Один из слухов заключался в том, что толи на мясокомбинате уже был произведен, то ли в последний момент предотвращен акт массового отравления готовой продукции. Якобы один из работников, имевший доступ к процессу производства, был членом «Группы личностей».

Давно известно: общество с каждым годом становится все более неоднородным не только в смысле доходов и материального благополучия. Тогда как одни с нетерпением ловили каждую новую информацию о «Группе личностей», другие не интересовались ей вовсе, полагая, «и без нас разберутся».

Одним из таких «не интересовавшихся» был Максим Максимилианович Косопузов, мужчина средних лет. В немалой степени благодаря своему спокойствию, переходящему в равнодушие, он дослужился до начальника отдела продаж небольшой компании. Та занималась поставками импортного оборудования. Для фармацевтической промышленности.

Этим утром он сидел в рабочем кабинете за новеньким столом и читал снятые с сетевого принтера, стоявшего здесь же, в комнате, резюме кандидатов. Предстояло выбрать нового менеджера по продажам.

Начальник отдела чувствовал себя прекрасно. Несмотря на все экономические сложности, спрос на продукцию отрасли в которой работал, постоянно подпитывался старением населения. Соответственно, требовалось и производственное оборудование. И вот недавно в отдел Максима Максимилиановича решено нанять еще одного сотрудника.

Максим Максимилианович подошел к решению задачи просто: ему не нужны самые лучшие. Нужен такой, с которым его положению начальника ничто бы не угрожало. Тем более, как искренне считал Косопузов, особых способностей в деле продаж не требуется. Достаточно старательности и послушания.

Косопузов посмотрел на новенький портфель, стоявший на подоконнике. Замок с напылением под золото поблескивал в лучах солнца. После вчерашней хмари оно вновь сияло в небе. Гладкая натуральная кожа слегка отражала яркий утренний свет. Портфель Максим приобрел неделю назад, едва узнал, что директор повышает ему зарплату, дает под его начало еще одного человека.

Косопузов отвел взгляд от портфеля, положил распечатанные резюме кандидатов на новенький стол, сам полез в тумбочку. Там в нижнем просторном отделении были спрятаны литровая бутылка с кефиром и два бутерброда с вареной колбасой. Хрустнув plombой, Косопузов отвинтил с бутылки пробочку, сделал большой глоток, потом еще... Утром, до работы, он торопился, а потому не смог нормально позавтракать, – наскоро съел пригоревшую яичницу из двух яиц, половину оставив на сковородке, а вот напиток чаю не успел. Теперь кефир пришелся как нельзя кстати. Жажда уменьшилась.

Максим Максимилианович выпил еще. Почувствовал голод, хотя время, назначенное им самим для второго завтрака, еще не подошло. Но «ради праздничка» решил изменить распорядок. Достал полиэтиленовый пакетик с бутербродами, – толстыми кругами розовой колбасы на тонких ломтиках черного хлеба. Взял один, принялся жевать, стараясь не ронять крошек.

Взгляд блуждал по белым стенам кабинета, по собственному столу, пока, наконец, не уперся в резюме. Невольно Косопузов прочел несколько строк, потом еще...

К тому моменту, когда с первым бутербродом было покончено, Косопузов уже успел познакомиться с жизнеописаниями всех кандидатов. Одного Максим Максимилианович отмел сразу, – в его резюме внизу было указано желаемое вознаграждение за труд. Оно было лишь немногим меньше получаемого самим Косопузовым.

Фирма была небольшой и Максим Максимилианович был в ней «тем еще» начальником. Большую часть решений по его отделу принимал сам директор. Косопузов лишь сообщал о них подчиненным. Разница в зарплатах между ним и его сотрудниками была невелика, и это было предметом особой горести Максима Максимилиановича.

Поднимать косопузовскую зарплату директор не торопился. Для новой вакансии предлагал зарплату почти такую же, как и у Максима. Заявить для нее оклад намного ниже «начальнического» означало отсесть сколь-нибудь нормальных кандидатов.

«Так ли это на самом деле?! – негодовал про себя Максим Максимилианович и доставал из пакета второй бутерброд. – Это директор *так* думает! А кругом полно отличных специалистов, готовых ишачить за гроши».

Отложил в сторону резюме кандидата с «завышенными ожиданиями». Два других соискателя внимания не привлекли. Их трудовые биографии показались ему вполне заурядными. Вроде бы все нормально, но он искал чего-то иного. «Доказать ему, что классные менеджеры готовы работать и за скромные деньги!» – распаялся Максим Максимилианович, энергично пережевывая остатки второго бутерброда. Запихнув их в рот, протянул руку за пластиковой бутылку в ящике. Сделал энергичный глоток.

Тех людей, что уже работали в его отделе, нанимал не Косопузов. Когда-то он и сам пришел в фирму работать обычным продавцом, пока, наконец, директор не решил, что стоит создать промежуточное звено между собой и сотрудниками, – в виде начальника отдела. Теперь Максиму Максимилиановичу показалось: настал прекрасный момент «повернуть дело по-своему».

«В конце концов, если новый менеджер станет прекрасно работать и достигнет выдающегося результата, почему бы не потребовать деньги... Те, что я сэкономил на его зарплате, в качестве прибавки к своей?» – мечтал начальник отдела.

К этому моменту, самому себе не признаваясь, да и не в силах осознать этого факта, он уже прочно стоял на пути содействия психопатам, вернее – одному из них... Тому, чье резюме лежало на столе Косопузова крайним справа: Григорий Скворцов – специалист по продвижению разнообразных товаров.

Такие, как Косопузов, являются идеальной находкой для сумасшедших. Погрязшие в своих мелочных амбициях, они зачастую ведут себя совершенно нелогично. Конечно, их стиль поведения обусловлен не заболеванием. Если только не считать определенные черты характера заболеванием нравственным.

Тысячи Косопузовых мостят удобную дорогу десяткам лже-Скворцовых, – опасным личностям, задумывающим черные дела.

Допив кефир, Косопузов принялся внимательно рассматривать последнее оставшееся неп прочитанным резюме. Надо сказать, Максим Максимилианович обладал неким чутьем, которое позволяло ему предвидеть события из будущего. Например, сейчас ему

казалось, что именно кандидат, чье резюме он прочтет последним, заинтересует его больше всего.

Впрочем, возможно он краем глаза, сам того не осознавая, когда жевал бутерброд, успел прочесть какие-то пункты из резюме Скворцова.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Первые пятнадцать минут после того, как с помощью деревенского мужика он выбрался из подземелья, поп Иван бодро расхаживал по церкви. Потом почувствовал сильную боль в ноге. Опустился на пол в нескольких метрах от «кануна» и злополучного пролома. Деревенский мужик, подсобный рабочий развалившегося совхоза, который вызволял батюшку из подземелья, опустился рядом с ним на корточки. Ощупал ногу попа Ивана. Когда-то давно этот рабочий получал специальное образование в городе в медучилище. Потом в армии служил фельдшером. С тех пор медициной не занимался, был подсобным рабочим в акционерном обществе, оставшемся от совхоза, но кое-какие навыки из прежней жизни сохранились.

Рабочий с уверенностью сообщил, что у попа Ивана сломана лодыжка...

Батюшка, тем временем, не переставая думал о Тюрморезове. В голове его крутились разные мысли, но без того, чтобы разыскать Евграфа и поговорить с ним, разобраться в них невозможно. Со сломанной ногой мог рассчитывать на встречу с мальчишкой, только если тот сам придет к нему.

Бывший фельдшер и еще один мужичок помогли попу Ивану доковылять до домика. Там батюшка был уложен на кровать покойного священника, покрытую мягкой периной, – она уже успела покрыться пылью, – и погрузился в тягостные раздумья о своем маленьком друге. «Ни в коем случае не говорить никому ни слова о Евграфе! Иначе они его затравят. Я должен сначала сам все понять».

В церковь, тем временем, собирались постоянные прихожанки – старушки из ближайших окрестностей. Новость о случившемся приобрела в их головах тревожную и странную окраску.

Разруха в церкви – какой-нибудь покосившийся крест или треснувший колокол – тут же приобретает мистическое значение в умах простого народа. Иначе, как дурное предзнаменование, люди его не воспринимают.

Пока поп Иван лежал на перине, спустившийся в подземелье плотник неожиданно обнаружил, посветив фонарем, собственный молоток, пропавший некоторое время назад.

Были обнаружены и следы других «приготовлений» Тюрморезова: заранее выдолбленные и вынутые кирпичи, маленькая лесенка. Вспомнили: некоторое время назад она странным образом исчезла.

Псих

Торопясь на собеседование Григорий ощущал прилив энергии. Вчера вечером, засыпая на неудобной постели в арендованной у старухи комнате, а особенно – сегодня утром, был уверен: всем его планам пришел конец. Придется изменить свои и его приятелям из «Группы личностей».

Скворцов ощущал накануне чудовищную депрессию. Ее одной было достаточно для того, чтобы он, до тех пор, пока она не пройдет, оказался способен лишь на одно дело: валяться на смятой постели, уткнувшись лицом в подушку. Но ведь это состояние – только начало, первый симптом. Дальше у него могло стремительно начать проявляться психическое заболевание. Григорий пролежал всю ночь, а утром очнулся, но с постели не встал,

пытаясь хоть как-то собраться с мыслями: что делать?.. В кармане было пусто, деньги ему должны были передать сегодня, но что сделают с ним «коллеги», если получив «подъемные» он станет целыми днями лежать пластом в арендованной комнате. Да и старухе такой жилец может не понравиться. Скворцов подумал было о том, чтобы отправиться в больницу, но ведь он жил по чужому паспорту! Что ждет его, если это вскроется?

Лучше всего Григорию было прийти в себя и продолжить выполнять свой план. Но воли в нем в эти часы не существовало. Воля была частью его разума, души, а и то, и другое было временно парализовано болезнью. Выхода не осталось.

«Что же это?! Ведь никак это не должно было случиться сейчас» – думал Скворцов. Ранняя весна – время тяжелое. Но для него оно было нестрашным. Обострения психических болезней в такой сезон с ним никогда не случалось. «Я не вынес нервного перенапряжения!»

Он слышал какой-то звук, – что-то очень знакомое... Мелодия... Она доносилась откуда-то издалека.

Григорий встрепенулся. Да это же его собственный мобильный телефон! Тут же все звуки окружающего мира словно бы ожили для него. Как будто до этого он слышал их из-за толстой запертой двери, и вот она распахнулась настезь!

Схватив трубку, – она валялась на полу возле постели, – Григорий ткнул пальцем в зелененькую кнопку, прижал мобильник к уху.

– Григорий, здравствуйте! Вас беспокоят из компании... – прошебетал приятный девичий голосок...

Разговор занял не больше трех минут. Скворцов носился по комнате в поисках ручки и бумаги. Потом стержнем, найденным на подоконнике, на странице, вырванной из старого настенного календаря, записывал адрес компании. Его пригласили на собеседование! Оно должно состояться сегодня в час дня.

После этого телефонного разговора состояние Скворцова резко переменялось. Он воспрял к жизни. «Получилось!..» Впервые в жизни кто-то откликнулся на высланное им резюме. Собственно, и само резюме было первым, которые он когда-либо кому-либо отправил.

Два дня назад, болтаясь по городу в поисках подходящей комнаты, вдруг решил: неплохо бы устроиться на работу. Вообще-то, это было необязательно: как раз сегодня он должен был получить «подъемные». Но у лже-Григория были свои далеко идущие планы. Дружба с людьми из «Группы личностей» могла и кончиться...

Психопаты далеко не всегда бывают неудачниками, не способными на тщательно продуманные действия. Такие, которые требуют от человека планирования отдаленного будущего. Почти никогда они не бывают расслабленными безумцами. Из тех, что способны жить лишь своими искривленными впечатлениями от сегодняшнего дня. Как правило, чем более ненормально функционирует психика такого человека, тем изощренней его жизненные планы, тем на большую перспективу он смотрит вперед.

Именно таким опасным психопатом был лже-Григорий Скворцов.

Собственное жизнеописание он создал и отправил с компьютера случайного знакомого, соседа по столику в кафе, в котором лже-Григорий оказался во время бесцельных блужданий по городу. Никогда прежде не составлял резюме. Но пошарив по сайтам, посвященным трудоустройству, понял: приличной работы без резюме не найти.

Требовалась именно приличная работа. Ему не нужен был случайный заработок, доступный всякому сброду.

Григорий мгновенно принял решение: он составит резюме. Но что он напишет в нем, если основными пунктами в его биографии давно уже были длительные побывки в психиатрических лечебницах, а те краткие периоды, в которые он выполнял какую-то работу, обычно заканчивались дикой выходкой, скандалом и увольнением? У него даже не было трудовой

книжки. Вернее, была где-то, но «потерялась». С другой стороны, какое все это имело значение? Он – Григорий Скворцов, а этот человек вовсе не сумасшедший. Правда, у Григория Скворцова тоже не было трудовой книжки. Но это-то как раз – не проблема. Книжку можно приобрести там же, где и паспорт. Гораздо труднее будет заполнить ее...

Необходимо, чтобы то, что в книжке, полностью соответствовало тому, что окажется в резюме. Но туда нельзя вписать случайную информацию. Григорию следовало обыгрывать лишь подлинные эпизоды своей биографии. Он мог что-то преувеличить, причем значительно, что-то скрыть или преуменьшить, поиграть с акцентами, но полностью игнорировать свою биографию было опасно. Это Скворцов знал. Если он совсем оторвется от реальности, вероятность того, что ложь будет раскрыта, вырастет до ста процентов.

Григорий старался. Но, во-первых, его реальная трудовая биография была настолько дикой, что даже самые отчаянные приукрашивания и замалчивания не могли привести ее в более-менее подходящий вид. Во-вторых, никакого опыта в составлении резюме у Психа не было.

В конце концов он добавил в свое резюме изрядную порцию совершенно откровенной лжи, но резюме все равно вышло диким. Впрочем, Григорию оно понравилось. Он отправил его на несколько вакансий, которые нашел в Интернете.

Выйдя из кафе, Скворцов вдруг почувствовал тоску и упадок сил: «Ничего не получится. Все это бред. Такое резюме, как мое, никто и читать-то не станет. А уж приглашать меня на работу... Мне никуда не устроиться. Разве только чернорабочим. Да и то...»

Депрессия, которая после звонка с приглашением на собеседование прошла, была вызвана именно этими мыслями.

Теперь ему было ясно, что в тот момент у кафе он был чересчур пессимистичен. «Эта болезнь говорила во мне!»

Состояние его стремительно улучшалось. От упадка сил не осталось и следа. Григорий припомнил, сколько у него сегодня самых разнообразных дел. Как он мог в такое утро валяться, уткнувшись лицом в подушку на смятой постели?!

Принялся сновать по комнате, собирая валявшиеся в разных углах брюки, рубашку, пиджак. Зачем разбросал их накануне по комнате, – теперь объяснить бы не смог.

«Может, стоит погладить брюки?» – думал Псих в волнении.

У старухи, конечно, должен быть утюг и доска для глажения. Скворцов, – все еще в нижнем белье, – чуть приотворил дверь. Из кухни не доносилось ни звука. Из второй комнаты – тоже. Хотя Дарья Дмитриевна в это время уже не могла спать.

Скворцов был уверен: в первый день она ни за что не оставит его дома одного. «Уж не сдохла ли?» – встревожился лже-Григорий.

Но вот из соседней комнаты донеслось старухино ворчание. Григорий успокоился.

Передумал гладить брюки. Сел на стул, положив перед собой вырванный листок календаря, стержень от шариковой ручки. Надо было вспомнить, что писал в резюме. У Психа хорошая память, но даже она не сразу выдала некоторые детали. Они появлялись в голове, как археологические находки из руин древнего, засыпанного песком города. Всех отраженных в резюме «мест работы» Григорий припомнить уже не мог. Это не испортило настроения. Накарябав на листке несколько строк, пару раз перечитал их.

Одеваясь, размышлял, где по дороге на собеседование лучше позавтракать. Потом дошло, что больше нет денег. Придется обойтись без завтрака. Напевая под нос какую-то песенку, отправился в ванную. Вымыл руки с мылом, ополоснул лицо холодной водой.

Выходя из ванной, увидел Дарью Дмитриевну, споткнулся о порожек, чуть не упал, весело пошутил что-то. Старуха пригласила его пить чай.

Псих восседал за кухонным столиком умытый и довольный. Перед ним дымилась чашка сладкого чая. Он шутил не переставая.

Легко было поверить, что это, действительно, веселый радиоинженер, – хорошо выспался и теперь собирается идти в свое конструкторское бюро. Никак не разгадать, что это опасный, сам себя не понимающий, непредсказуемый психопат, задумавший череду страшных, черных дел.

Глава пятая

Имя мне – психоз вонючий...

Евграф Тюрморезов в прошлом

В руках у Евграфа – старый большой чемодан. Такие, правда, более скромных размеров, можно было встретить у сантехников прежней, советской закалки. Носили в них гаечные ключи, паклю, обрезки труб. Тюрморезов достал его с чердака покосившейся родительской избы.

Из множества пассажиров на перроне «древний» и нелепый багаж был только у него.

Евграф – уже не мальчик. Молодой человек! Ему восемнадцать лет.

Глянув на него, любой врач отметил бы то, что на языке медицинских записей звучит, как «недостаточное питания». Щеки парня ввалились, скулы обтянуты кожей.

Старый чемодан в худой руке казался особенно огромным. Но Евграф шагал вдоль перрона бодро.

Внутри чемодана находилась лишь одна вещь – старенькое длиннополое пальто, подаренное Евграфу соседкой, – осталось ей от покойного мужа. Поскольку осень выдалась ранней и холодной, Тюрморезов вынул пальто из чемодана, надел на себя. И тут обнаружил: сукно в правой подмышке разошлось по шву. Изнутри выпирает грязно-белая подкладка.

Евграф старался не размахивать рукой.

Он не знал, куда шагает. Но походка была уверенной, вся фигура выражала целеустремленность. Можно было подумать: парень из глубинки приехал на учебу. Его ждет студенческое общежитие. Распакует чемодан, тут же, не теряя времени, поспешит куда-нибудь через дорогу, в стены родного института.

Уже в те годы Евграф отличался способностью производить на не знавших его историю людей чрезвычайно деловое, положительное впечатление. Должно быть, выработал эту черту еще годам к шестнадцати, после того, как осознал: лучше скрывать от окружающих свое подлинное лицо.

Не учеба привела Тюрморезова в столицу. Евграф сбежал из родных мест после очередной психопатской истории. Огромный город Москва манил его возможностью затеряться среди миллионов людей.

«Имя мне – Психоз Вонючий!.. Имя мне – Психоз Вонючий!» – повторял парень, шагая по перрону с пустым чемоданом в руках. Впереди – обветшалое здание вокзала. Маленькая площадь перед ним запружена народом. Тюрморезов прекрасно осознавал: ведет себя в жизни ненормально, не как все люди. И он был осведомлен, что это поведение – следствие болезни, которую срочно необходимо лечить. Но не собирался этого делать.

Ему было весело. Собственное поведение вызывало у него восторг. Он думал о тех, кого оставил в деревне: о попе Иване, о всех, кто так или иначе прикоснулся к его последней мрачной «истории». Изумление, скорбь и ярость, которые, как он был уверен, они испытали, вводили его в еще больший кураж. Хотелось продолжить подвиги. Что ж, он – Психоз Вонючий?.. Будет самым невероятным Психозом из тех, которые только существовали на свете!

Несчастный малый страдал еще и манией величия. Она уже развилась в нем достаточно для того, чтобы взирал на шагавших вместе с ним по перрону людей с высокомерием.

«Обычные... Не психи!»

Однако Тюрморезов не знал, что совершенное им деяние, о котором будет рассказано позже, имеет настолько тяжкие последствия, что его уже ищут. Серьезные люди из серьезной организации. И он не скроется даже в Москве.

Прежде, чем его схватят и впервые в жизни поместят в психиатрическую больницу тюремного типа на принудительное лечение, здесь, в столице, рассчитывая именно на эту многолюдность, он совершит несколько совершенно невероятных поступков, о которых так и не станет никому известно. Кроме него самого и его жертв.

«Имя мне – Психоз Вонючий!» – продолжал декламировать про себя Евграф стихотворную строку собственного недавнего сочинения.

Отец Евграфа в прошлом

«Вот здесь это происходило», – думал Агафангел Тюрморезов, отец Евграфа Тюрморезова, медленно шагая вдоль черной, закоптелой стены «совхозного» коровника. Крыши над ним не осталось. Стропила, на которых она держалась, были деревянными. Пламя пожара, бушевавшего здесь некоторое время назад, уничтожило их, – крыша рухнула вниз.

Утро – пасмурное. Солнце лишь изредка проглядывало сквозь серые тучи, которые заволокли небо. Для всех это был еще один унылый день, обликом больше напоминавший осень, чем давно наступившую весну. Для отца Евграфа Тюрморезова день знаменателен тем, что похож на «тот день», приметы которого еще отлично различались вокруг.

События, после которых радикально изменилась жизнь не только самого Евграфа, но и его родителя, произошли полторы недели назад.

Агафангелу Тюрморезову казалось: с того дня прошла вечность. За десять суток психическое здоровье его пошатнулось...

Евграф спалил «совхозный» коровник и еще несколько построек, что располагались в километре от него. Лишь здесь, в коровнике, юный Тюрморезов сам поднес зажигалку к пучку прошлогодней соломы. А в остальных местах осуществил поджоги чрезвычайно ловко – чужими руками.

Поджигателями других построек стали взрослые дядьки – местные алкоголики.

Пожарам предшествовала длительная борьба за собственность – то самое «совхозное» достояние, которое числилось за акционерным обществом. Организация эта давно находилась на грани банкротства.

Все совхозные постройки предполагалось продать за долги. Ценность их, конечно же, очень мала. Главное – вместе с постройками отойдут к новым хозяевам земельные угодья. В деревне, где жили работники подошедшего совхоза, не существовало единства мнений: как собираются использовать полученное достояние новые владельцы?

Одни говорили – на месте фермы выстроят дома для гастарбайтеров. Якобы, их пригласят в эти края для некоего крупного промышленного производства, которое развернут в поселке неподалеку. Другие предполагали: у новых владельцев – планы организовать сельскохозяйственное предприятие. Но работать в нем, опять-таки, будут заезжие гастарбайтеры. В деревне работников не набрать. Даже если пригласить тех здешних алкоголиков, что еще не упились до смерти.

Планы завести гастарбайтеров вызывали у местных жителей злобу.

Какая-то жизнь в совхозных постройках еще теплилась, кто-то там работал. Этим-то и воспользовался Евграф. Подружился с несколькими тамошними людьми. Все они настроены против новых хозяев. В определенный момент, снуя между совхозными строениями точно челнок, Евграф до того заморочил голову пьяненьким мужичкам, что они почти поверили, – даром убеждения младший Тюрморезов обладал отменнейшим, – якобы руководство совхоза требует от них срочно поджечь строения. То ли, чтобы они не достались «врагу»,

то ли, чтобы «свалить поджог на врагов». То ли для того, чтобы «враг» потерял интерес к «погоревшему» совхозу.

Зачем Евграф обманывал мужичков?

Поп Иван – он по-прежнему был во главе местного церковного прихода – пришел к выводу: младший Тюрморезов «окончательно свихнулся», наслушавшись разговоров, которые шли вокруг него. Были и другие мнения.

Некоторые в руководстве акционерного общества настаивали на том, что Евграф с самого начала все прекрасно понимал и давал всему происходившему совершенно трезвую оценку. Но ему нравилось издеваться над людьми. Поэтому Тюрморезов намеренно создавал вокруг себя истерическую, психопатскую атмосферу. Играл на чувствах недалеких полупьяненьких мужичков.

Агафангел Тюрморезов не разделял ни первой, ни второй точки зрения...

Отец Евграфа всегда был «не в себе». Только его психические отклонения прежде не были никем замечены. Был слишком замкнут и пришиблен, чтобы дать кому-нибудь повод заинтересоваться его душевным здоровьем. Теперь, когда на него обрушились переживания, их не вынес...

Агафангел считал сына героем, верил: сын совершил героический поступок, спасал земляков и родные края от «поругания». Идиотское издевательство над здравым смыслом, людьми казалось отцу подвигом во имя высоких идеалов.

Поп Иван понял это после долгих бесед со старшим Тюрморезовым.

«А может быть, это он, Агафангел, науськивал сыночка?» – терялся в догадках священник.

Сейчас старший Тюрморезов медленно брел вдоль стены уничтоженного пожаром коровника. Вокруг сгоревшей постройки еще распространялся острый запах гари. За Агафангелом на некотором расстоянии двигался Поп Иван. Он хотел поговорить с отцом подопечного. Тому были серьезные причины. Но Агафангел, казалось, не замечал вокруг ничего, кроме «священного пепелища». Поп Иван не спешил вторгаться в его одиночество.

«Нельзя ломать сгоревший коровник, – думал отец «героя». – Надо превратить его в памятник. Пусть потомки смотрят на него, размышляют о нашем времени! О таких выдающихся личностях, готовых вступить за всех жителей деревни, как мой сын!»

Агафангел потрогал рукой кирпичи оконного проема. Во время пожара пламя вырывалось из него наружу и сажа покрыла стену особенно сильно. На ладони пожилого мужчины (старший Тюрморезов завел ребенка довольно поздно) остался черный след. Он не попытался его стереть. Напротив, ему как будто было приятно это зримое подтверждение «подвига» Евграфа.

«Сажа!.. Простая черная грязь. Так подумает каждый, кто не видел ночью зарева славного пожара, кто не знал, какой выдающийся парень и для чего приложил к нему руку. Но если знаешь, в чем дело – сажа станет для тебя главной драгоценностью твоей жизни!»

Точно позабыв, о чем он только что думал, старший Тюрморезов потер ладонь о ладонь, стараясь избавиться от черных пятен.

Повинуясь шестому чувству обернулся, заметил, наконец, рослую и грузную фигуру попа Ивана. Агафангел остановился. Глядя на священника, дождался, когда тот подойдет к нему.

Поп Иван поздоровался. Старший Тюрморезов словно только и ждал возможности поговорить.

– Да, батюшка, костерок мы тут отгрохали замечательный! – Агафангелу уже казалось, что в истории с уничтожением построек бывшего совхоза он с самого начала был заодно с сыном. Да и священник, – его трогательное отношение к Евграфу было всем известно, – казался давним членом их компании. – Эти камни давно остыли, а таким, как мы с вами,

продолжают греть душу!.. Я вот думаю, может, скинуться и эту... Мемориальную доску отгрохать?

Священник был поражен речами старшего Тюрморезова, но все же взял его за руку и начал разговор, ради которого догнал пожилого человека.

– Нам надо всерьез продумать линию защиты... Евграф...

– Мне – защищаться?! – Агафангел отшатнулся от попа Ивана. – Пусть они защищаются! Мой сын – герой!.. Ему ничего не угрожает...

«Ваш сын – не герой! Психопат, который делает себя несчастным. При этом наносит тяжкий вред окружающим людям!» – едва не сорвалось с языка попа Ивана. Он вовремя удержался.

Теперь было ясно: в отце Евграфа не найдет союзника. Разговор бесполезен.

Евграф Тюрморезов в прошлом.

После пожара в совхозном коровнике было обнаружено тело мужчины. Когда поп Иван начал разговор с Агафангелом Тюрморезовым, был уверен: мужчина задохнулся и обгорел до неузнаваемости при пожаре, который устроил Евграф. Но потом выяснилось: обгоревший был мертв еще до того, как в коровнике взметнулся вверх первый, пока еще слабенький, язычок пламени. Был горьким пьяницей. В этот день толи выпил слишком много водки, толи та была с примесью какой-то отравы, – сердце его остановилось.

Следствие не установило, беседовал ли с ним перед его смертью Евграф. Разговор, который мог вести с алкоголиком младший Тюрморезов, способен вывести пьяницу из равновесия, заставить его хлебнуть отравы больше обычного.

Агитировать людей, которые трудились в сгоревших потом постройках, Евграф принялся за несколько дней до пожара. Выдавал себя за лицо, которому администрация акционерного общества особенно доверяет, использует для деликатных поручений. Мужички были темными. Младший Тюрморезов сочинял очень складно. Ему верили.

Коньком Евграфа были «новости» о продаже бывших совхозных «угодий» новому владельцу. Он нес одновременно складную и неправдоподобно-пугавшую ложь. Мол, существуют не просто планы продажи земли, организации нового сельхозпредприятия и приглашения рабочих из других стран. Решено уже, что деревня будет полностью снесена, а немногочисленные ее жители – выселены. Приусадебные участки, покосившиеся дома выкупят по незначительной стоимости. Она и станет «подъемными» для местных жителей. На эти деньги будут обустраиваться где-нибудь на новом месте. Скажем, в Сибири или на Дальнем Востоке. Ведь нигде в центральных «губерниях» за такие гроши жилья не купишь. Сообщения вызывали у деревенских мужичков оторопь и ужас. Здешние сельскохозяйственные «бароны» с народом никогда не церемонились. В весть о принудительном выселении сразу поверили.

Евграфу того и надо. Дальше, потешаясь про себя над доверчивыми односельчанами, развил отчаянную суету, – должна была означать ожидание «секретного приказа» от нынешних владельцев совхозной собственности.

Якобы теперешние хозяева продавать землю и постройки не хотят. Их вынуждают. Единственный способ противостоять этому: сжечь коровник и остальные постройки. «Тогда покупатели могут передумать!» – этот аргумент Евграфа был достаточно шатким. По его легенде новым покупателям требовалось завладеть прежде всего совхозной землей... Но с другой стороны... «Может, они не хотят тратиться на возведение новых построек и им важно, чтобы можно было воспользоваться этими» – морочил мужичкам голову Тюрморезов-младший.

В вечер поджога Евграф по очереди наведлся к своим мужичкам, по обыкновению пьянствовавшим там же, где и работали – в покосившихся совхозных строениях. Передал им «секретную просьбу» нынешних владельцев: совершить поджог. Те, ни на мгновение не усомнившись, принялся выполнять «распоряжение руководства».

В коровнике же единственный находившийся там мужичок отнесся к словам Евграфа с прохладцей. Так показалось самому Тюрморезову. Хотя на самом деле его собеседник изрядно разволновался.

Тюрморезов ушел, добыл керосин, вернулся, вылил бидон, зажег спичку... Евграф, – в этом поп Иван был уверен, – предполагал, что мужичок уже поплелся из коровника домой, в свою избушку.

Благо никаких коров в этой, больше напоминавшей огромный сарай, постройке давно не было. Других людей – тоже.

Священник потом стал думать, что Евграфу таким образом хотелось продемонстрировать всему миру свою власть над ним. Показать, что окружающие люди не могут быть свободны от него, Евграфа.

Но и Евграф не мог быть свободен от ответных действий общества.

К вопросу о прошлом Евграфа Тюрморезова

Поздний вечер. Маленькая железнодорожная станция, на которой поезда не останавливаются. За исключением одного – он делает остановку всего на пять минут. Тогда с перрона в раскрытые двери какого-нибудь вагона торопливо поднимаются один или два пассажира. Редко бывает больше. Проводница проверяет билеты, двери захлопываются. Локомотив трогает длинный состав с места. Прочь от старинного вокзала, крашеного светло-зеленой краской, – симпатичного зданьца, выстроенного еще в начале прошлого века. Кажется, с тех пор ни разу не ремонтировавшегося. Листы железа, которым покрыта его крыша, в нескольких местах отогнуты вверх. Потрепал недавно пронесшийся по этим местам ураган. И оттого вокзальный домик выглядит словно взлохмаченным.

В те часы, когда единственный останавливающийся здесь поезд не ожидается, – а это двадцать три часа в сутки, – ни в домике, ни рядом с ним нет ни человека. Окна в помещениях, где сидят железнодорожные служащие, плотно зашторены. Полукруглая «бойница» кассы всегда прикрыта деревянной дверкой. Желающим приобрести билет нужно долго стучаться, прежде чем кассир нехотя приоткроет ее.

В этот час даже долгий стук не имел никакого смысла. Касса уже не работала, поезд давно проехал. Поэтому когда стук, громкий и настойчивый, все же раздался, железнодорожный служащий, – пожилой человек, – вздрогнул, насторожился и не побежал сразу открывать...

Но тот, кто стоял снаружи, не переставал долбить в тонкую фанерную ставенку. Служащий железной дороги пошел отворить ее.

Стучавший был в коротком черном плащике. За его спиной стояло несколько полицейских. Человек в плащике смотрел на железнодорожного служащего, выглядывавшего в оконце, очень внимательно. Полицейские блуждали взглядами по убогим интерьерам маленького зала ожидания.

– Нас интересует, кто в последние дни покупал у вас билет?... – проговорил человек в плащике, раскрывая перед окошком удостоверение. – Парнишка... Он был одет в длинное черное пальто, либо просто в пиджак. С большим чемоданом в руке. Евграф Тюрморезов...

– А-а... – понимающе протянул железнодорожный служащий. Конечно, он запомнил этого парня. Вел тот себя необычно. А под конец сказал такую вещь, что пожилой железнодорожник просто оторопел...

Глава шестая В компании «Фредди Крюгера»

Прошлое Евграфа Тюрморезова.

– Но мы не можем селить в общежитие кого попало... – сердито произнес голос в трубке.

На пятидесятилетнюю комендантшу общежития, опытную тетку, чего только ни повидавшую на своем веку, слова начальства не произвели никакого впечатления. Настаивала на своем:

– Он сын министра образования.

– Министра образования?... – начальник комендантши, – он давно уже был дома, – немного смутился. – Почему сразу не сказали?

– Вы, наверное, прослушали... Я вам говорю: очень серьезный паренек. По нему видно. Возражает так уверенно...

– Он что, еще пререкается с вами? Вот наглец... Молодой хам! – человек на другом конце телефонной линии не первый год знал комендантшу. Женщина она была крайне строгая. И «отшить» могла кого угодно. Человек, тем более молодой, решившийся с ней спорить, должен быть весьма твердого характера.

– Нет, он не хамит. Ведет себя очень спокойно. Но я вам говорю – паренек явно не простой.

Комендантша посмотрела на парня сквозь широкое стекло, отделявшее комнатку, в которой она сидела, от тесного холла общежития. Парень нетерпеливо прохаживался вдоль ряда старых кресел, привезенных два месяца назад из институтского актового зала.

На парне было длинное черное пальто, на полу у кресел – большой старый чемодан.

– Лучше нам его поселить, а там видно будет... – проговорила комендантша.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Они зашли в комнату. Обстановка крайне убогая. Кровать только одна: узкая, металлическая, с тоненьким матрасиком, покрытым свежей простыней. Поверх нее наброшено одеяло в сине-белую клетку с инвентарным номером. У другой стены, вероятно, должна была стоять такая же кровать – ничем не занятое пространство придавало комнате голый, неуютный вид. У окна – конторская тумбочка. С выдвигаемым ящиком, с оббитыми углами, со следами горячих чашек, которые на нее ставили.

Окно ничем не занавешено. На другой стороне улицы виднелся забор. Из-за него торчали деревья с раскидистыми ветвями. Дальше лучи света не добивали, оставляя за деревьями сплошной мрак.

Парень, – его звали Сашей, – подошел к окну, упер сжатые кулаки в широкий подоконник. От грязи белая краска, которой тот выкрашен, смотрелась серой.

Заметив, что его новый знакомый разглядывает на деревья за забором, Евграф проговорил:

– Там кладбище. Сейчас темно, ничего не видно. Утром проявятся могилы, кресты.

– Где я буду спать? – обернувшись, спросил Саша со злостью в голосе. – У тебя только одна кровать. Ты живешь здесь один? Как удалось так устроиться?..

– Они думают, я сын министра образования, – Евграф сделал жест рукой вниз, в сторону первого этажа, где сидела комендантша. Комната, в которой парни сейчас находились, была на пятом, последнем этаже общежития. Выше – только чердак.

С Сашей Евграф познакомился утром на Старом Арбате. Парень попросил у него сигарету. Евграф стоял у какой-то каменной стенки, – за ней обгаженный сквер, – пил пиво.

Тюрморезов не курил, и сигарет у него не было. Но парень не отошел. Завязал разговор. Видимо, признал в Евграфе такого же, как и сам, провинциала, одинокого и неприкаянного в огромном городе.

По неуловимым признакам, – по ним «рыбак видит рыбака», – оба поняли: между ними много общего. Евграф поделился с парнем, которого знал десять минут, пивом из бутылки. После нескольких глотков тот признался: считает себя наследником Фредди Крюгера. Затем вытащил из-за пояса тряпочный сверток. В нем – узкие когти-сабли, выточенные напильником из металлических полос. На каждой имелись ушки. Туда вдеты тряпочные ленты для привязывания к пальцам.

Используя когти-сабли планировал осуществлять нападения. Поначалу, – там, у себя в маленьком городке за Уралом, – хотел проникать в комнаты, где жили знакомые девушки. Набрасываться на них спящих. Почти как Фредди Крюгер.

Саша вдохновлялся фильмом «Кошмар на улице вязов».

Но задумка оказалась неосуществимой. Прежде, чем проник в квартиру, оказался бы в полиции. Все его знакомые проживали в тесных условиях с родственниками. Двери квартир всегда заперты.

Тогда Саша решил: станет нападать на случайных ночных прохожих.

Первое «боевое крещение» оказалось неудачным. Мужичок, к которому он направился, выбравшись из придорожных кустов с когтями на пальцах, моментально оценил ситуацию: схватил обрезок трубы, валявшийся у разрытой коммунальщиками траншеи. Против нее Сашины когти были бессильны. Мало того, мужик стал преследовать парня, кричать, звать полицию...

Саша бежал, что было духу. Тот, что с трубой, быстро стал отставать. Оказавшись на самой окраине городка, паренек перевел дух. За ним больше никто не гнался. Уселся на скамейку под навесом автобусной остановки, призадумался.

Спасся лишь чудом. В следующий раз может не повезти. В маленьком городке скрыться особенно некуда. Даже в случае «успеха», его будет просто найти.

Саша решил перебраться в большой город.

Когда его новый знакомый рассказывал эпизод про мужика с трубой, Евграф расхохотался. Долго не мог прийти в себя. Его душили новые и новые приступы смеха. Саша обиделся.

– Если хорошо знаешь московские дела, посоветуй, как организовать нападения Фредди Крюгера. Беру тебя в компанию. Будем работать по очереди!

Евграф опять рассмеялся: новый приятель казался глупым, но незлобным и симпатичным парнем:

– Идет. Принимаю твоё предложение.

Через пятнадцать минут новый приятель погрузился в оцепенелое, неразговорчивое состояние. Евграф даже подумал: таким странным образом на него подействовало пиво.

Тюрморезов поставил пустую бутылку на каменный бортик, пошел по улице. Никакой цели не было. Куда идет – не знал.

Новый приятель, держа под мышкой тряпочный сверток с «ногтями», поплелся за ним. Они бродили так целый день. В обед Саша пригласил Тюрморезова в пивной ресторан.

Огромный зал почти пуст. Официанты сгрудились у стойки, болтали о чем-то. Не обращали внимания на вошедших посетителей. Евграф иронически улыбался. Был уверен: у его

нового приятеля нет в кармане ни копейки. Но платить за себя, тем более за него он был не намерен.

Саша выбрал столик. Сели. Официанты гурьбой куда-то ушли. Лишь через пятнадцать минут появилась одна из официанток. Со скучающим видом приняла у них заказ. Верховодил новый приятель Евграфа. Попросил сразу по паре больших кружек пива, самые дорогие вторые блюда.

Тюрморезов молча наблюдал за ним...

Заказ принесли быстро. Расставив по столу кружки с пивом и тарелки, официантка удалилась.

– Ешь быстрее! – Саша накинудся на еду. Стремительно залпом осушил первую кружку, тут же пригубил вторую.

Евграф догадывался, в чем дело.

Сам он пил и ел не торопясь. Обстановка в просторном зале не менялась. Лишь несколько столиков занято: пара девиц, какая-то компания, угрюмый мужик, сосредоточенно пережевывавший свой обед.

Новый приятель прикончил отбивную с гарниром из картофеля фри и маринованной капусты, посмотрел на Евграфа.

Тюрморезов отпил из кружки мутновато-желтое нефильтованное пиво. Поставил ее обратно на круглую картонную подставку. Глянул сквозь эмблему пивной марки, выполненную на стекле кружки в виде рыцарского герба, на тонкий слой осевшей пены.

Говяжья отбивная перед ним почти нетронута. Евграф не голоден. Последний раз ел перед тем, как поджог совхозный коровник.

Страшное нервное напряжение, не ослабевавшее с той ночи, убило способность чувствовать голод. Кожа на его скулах натянулась еще сильнее. В эту минуту обдумывал, как бы с наибольшей жестокостью рассчитаться с новым знакомым за зло, которое тот еще только готовил в отношении Тюрморезова.

Но тут Евграф посмотрел на узенькие ленточки маринованной капусты, покрытые красными пятнышками – стружками маринованной моркови – и черными крошками перца. Вдруг почувствовал: ему хочется есть. Напряжение, владевшее им последние несколько суток, неожиданно ушло.

Эмоции, которые вызвал в нем нечестный подловатый Саша, перебили впечатления последнего месяца. Тюрморезова увлекла разработка плана жестокого отмщения. Он оценивал варианты, но ни на одном пока не мог остановиться.

Все идеи вертелись вокруг того, чтобы наказать Сашу в момент, когда тот станет изображать из себя Фредди Крюгера. Но до этого надо было как-то перевалить вместе через этот обед в ресторане. Но как?.. Тюрморезов не знал.

Тем временем он ел и ел. Исчезла с тарелки отбивная, покрытая корочкой чего-то желто-коричневого, вкусного, испарилась маринованная капусточка. Одна из кружек пива уже была пуста. Лишь разводы пены покрывали стенки и дно. Во второй кружке пиво плескалось где-то на расстоянии семи сантиметров от донца.

– Допивай, сколько сможешь, и пойдем, – проговорил новый знакомый. – Хороший момент... Охранника нет. Он может вернуться в любую минуту.

Тюрморезову не надо было повторять дважды: он тут же вытер губы салфеткой, встал. Сняв со спинки соседнего стула черное длинное пальто, энергично направился к выходу.

Следом за ним шел новый приятель.

До этого момента Евграф предполагал: Саша попытается исчезнуть, оставив его рассчитывать с официантами. Но тот оказался «благородней». Это меняло дело: мстить не за что.

Но Тюрморезов уже поставил на приятеле крест. Теперь проще думать о нем, как о враге...

Благополучно вышли из ресторана, – никто не остановил.

– Очень простой трюк, – проговорил Саша. – Почему-то всегда срабатывает... Вернее, уже во второй раз. Я был здесь вчера... Деньги есть. Хотел заплатить, жду официантку... Не подходит. Встал и пошел на выход. Никто не остановил. Охранник тоже где-то всю дорогу ходит. А если есть, ни на что внимания не обращает.

Саша, словно намеренно подзадоривая Тюрморезова, на несколько сантиметров вытащил из кармана пару тысячных купюр, пошелестел ими. Засунул деньги обратно. Медленно, расхлябанной походкой направился к табачному киоску, стоявшему в десятке метров от них.

Евграф покосился на дверь ресторана. До нее было не дальше, чем до киоска «Табак». Саша уже брал из рук продавщицы маленькую коробку: сигарки. Здесь же, у киоска, распаковал ее. Вынул из кармана легкой курточки зажигалку. Засунул сигарку в рот, закурил. Протянул коробку Евграфу.

Тот повертел головой.

«Значит, деньги у тебя есть... – со злостью думал он. – И когда хлебал из моей бутылки пиво, ты просто ломал комедию».

Но одновременно Тюрморезов испытал интерес к личности знакомого. «Не так прост! И пожалееет, что связался со мной».

Остаток дня бродили по городу. Сане негде ночевать, Евграф пригласил его в общежитие. У входа на первом этаже дежурила вчерашняя комендантша. Она увидела, что Тюрморезов пришел не один, но сделала вид, что ничего не замечает.

За фигурой Евграфа в длинном пальто с развевавшимися на ходу полами комендантша Сашу толком не разглядела.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Новый приятель только делал вид, что спит. Лежал в одежде на полу, подстелив пальто Евграфа. Носить его Тюрморезов больше не планировал. К вечеру на улице стало еще теплее. Евграф полагал: холода в Москву больше не вернуться. О верхней одежде ему придется беспокоиться лишь осенью.

На ночь Тюрморезов расположился на кровати. С полу Саше был виден лишь кончик его ступни. Час или два ждал, когда Евграф проявит признаки глубокого сна, – захрапит или начнет бормотать что-то бессвязное. Но со стороны кровати – ни звука.

Прошло еще два часа.

Ничего не изменилось. Либо Евграф, как и Саша, только делал вид, что спит, либо сон его тих. Саша медленно приподнялся. Сел. Некоторое время не шевелился.

До этого Александр лежал с открытыми глазами. Они привыкли к темноте.

Встал в полный рост. Ноги – на пальто. Поднял с полу свою куртку. Ощупал торчавший из кармана сверток. Стараясь ступать неслышно, дошел до двери. Она была не заперта.

Вышел в коридор. Там горел свет. Нигде ни души. Со стороны лестницы донесся девичий смех. Саша раскрыл сверток, положил ногти-сабли на пол у ног. Беря их по одному, принялся привязывать к пальцам.

Вскоре он был «настоящим» Фредди Крюгером. Осторожно взял с полу ногтями-саблями тряпицу (ту, в которую они были завернуты). Скомкал ее. Протолкнул в боковой карман куртки.

Давно придумал, что станет делать. Потому теперь уверенно пошел в сторону лестницы. Девичий смех уже не был слышен. «Даже если все студенты улеглись спать, введу

в действие план «Б»» – самодовольно подумал новый приятель Евграфа. Он поднял ногти-сабли к лицу и поиграл ими.

План «Б» подразумевал: станет осторожно братья за ручки дверей, что выходят в коридор, толкать их. Вдруг какая-нибудь отворится? Студенты – народ беспечный, забывчивый. «Не может быть, чтобы никто во всем общежитии не оставил на ночь открытой дверь!» – рассуждал Саша.

Если проникнет в комнату к спящим молодым студентам или студенткам, испытает особенное удовольствие: станет тогда совсем, как кумир Фредди Крюгер. Ведь тот напал на жертв во сне.

Как оказалось, не все обитатели институтского общежития в это время крепко спали...

Глава седьмая Атака «Фредди Крюгера»

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Когда до угла, за которым – широкая лестница, оставалось пару шагов, из-за него навстречу «Фредди Крюгеру» вышла молоденькая девушка. Едва не столкнулись лбами.

Девчушка была выпимши. «Крюгер» почувствовал запах алкоголя. По лицу ее блуждала глуповатая улыбка, – переживала недавнюю беседу, которую вела с кем-то, свой смех. У нее было игривое настроение.

Наткнувшись за углом не незнакомого парня, не посмотрела на его страшные руки. Взгляд ее сразу остановился на его лице. Должно быть, девушка была общительной и знала всех парней в общежитии. Она удивилась, но и обрадовалась: это был новенький и он ей явно понравился. Она ничего не имела против того, чтобы прямо сейчас завязать с ним знакомство. Но тут что-то заставило ее опустить глаза с его лица на руки.

Взгляд девчушки выразил недоумение. Затем она дернулась, словно бы хотела броситься прочь, но не смогла этого сделать. Ее точно парализовало.

Саша не торопился. Хотел походить на Фредди Крюгера. Значит, сперва стоило создать атмосферу кошмара. Уже потом – резать. Знакомый Евграфа поднял вверх пальцы-сабли, поиграл ими.

По краям, где заостренные полосы остро отточены, они отражали любой, даже слабенький лучик света. Едва лезвия заиграли белыми огоньками, девушка словно очнулась. Она дико завизжала.

Саша легко взмахнул рукой. Пара «ногтей» чиркнула студентку по скуле, по лбу над переносицей. Тут же выступила кровь.

Девушка бросилась бежать. «Крюгер» – за ней. Через мгновение оба были на лестнице. Саша – за спиной жертвы, в метре от нее.

Воображая убийства, всегда представлял, как медленно вонзает «когти» в жертву, наслаждается видом крови, ужасом и агонией терзаемого человеческого существа. На лестнице, когда девушка прыгала перед ним со ступеньки на ступеньку, Саша не мог даже толком замахнуть для по-настоящему убийственного удара.

Два раза он царапнул девушку когтями по макушке, волосы ее стали мокрыми от крови. Стремительно сбежав на два пролета вниз, непрерывно визжавшая девушка бросилась по общежитскому этажу между двух рядов одинаковых дверей. Преследовавший «Крюгер» успел подумать: ему это на руку. Скорее всего, она вбежит в *свою* комнату, где кроме нее – еще одна или две девчонки. Вот где он вдоволь понатешится вонзанием острых «ногтей» в плоть жертв, парализованных ужасом.

Все вышло не так. Влетев в дверь, – она была не заперта и легко распахнулась, – студентка захлопнула ее перед самым носом «Крюгера». Лезвия ударились о деревянное полотно. Мгновенно щелкнул замок.

Саша отскочил от двери на несколько шагов, намереваясь с разбега выбить ее плечом. Тут увидел: привлеченные дикими криками с лестницы, на этаже появились две девушки. Это были те, с которыми некоторое время назад болтала и смеялась жертва «Крюгера».

Обе – очень сильно пьяны. Должно быть, это сделало их смелыми. И глупыми: вместо того, чтобы немедленно звать на помощь и звонить в полицию, они принялись рассматривать злодея.

Был тот сезон, когда студенты только-только съезжались перед новым учебным годом. Общежитие стояло полупустым. Будь все комнаты забиты жильцами, как это бывало в разгар учебного года, на крики давно бы открылось несколько дверей.

Сейчас же частью комнаты были необитаемы, частью их жильцы боялись высовывать нос из-за двери. Комендантши не было. Она провозжала в аэропорту старуху мать и должна была вернуться в общежитие лишь через некоторое время.

Саша бросился на девиц. Но тут опять произошло неожиданное. От возбуждения «Крюгер» невнимателен. К тому же половина ламп дневного света, укрепленных под потолком коридора, не работала. Было темновато. Маньяк не заметил, что в руках одной из девиц – пустая винная бутылка. Видимо, схватила ее, услышав крики. Какое-никакое, а оружие самообороны!

Она с размаху ударила его бутылкой по лбу. В глазах потемнело. Саша осел на колени. Ладони с растопыренными пальцами уперлись в пол. По бледному лбу потянулась красная кровавая ленточка. Девицы бросились наутек. Бутылка – она не разбилась – по-прежнему была в руке у одной из них.

Но здесь уже они совершили ошибку: выскочив на лестницу, остановились. Одна из девиц требовала, чтобы та, вторая, ударившая Сашу по голове, спустилась с ней вниз к телефону – вызвать полицию. Та отказывалась. Убеждала: лучше пойти в комнату к знакомым парням, – это на последнем этаже общежития. Там, в безопасности, пересидеть до утра. Пока жуткий тип, которого она оглушила, куда-нибудь не денется. Ей не хотелось встречаться с полицией, что-то объяснять. «Нас будут таскать всю ночь! Пойми, дура!» – говорила она подружке.

Та быстро дала себя убедить. Подружки поспешили вверх по лестнице.

В это время «Крюгер» пришел в себя. Сильная головная боль и головокружение не уменьшали охватившую его ярость.

Шатаясь, выскочил на лестницу. Вверху увидел мелькнувшую ногу одной из девиц. «Крюгер» – ему приходилось хвататься за перила, иначе он бы упал – рванулся на последний этаж.

Когда он там появился, девицы стояли у двери. Одна из них молотила по ней бутылкой. Но парни не открывали – их не было в комнате. Часом раньше укатили на такси в ночной клуб. «Крюгер» успел преодолеть половину расстояния, отделявшего его от девиц, прежде чем они заметили его. Та, что без бутылки, завизжала. От событий, приключившихся в последние десять минут, успела изрядно протрезветь.

Через мгновение Саша был рядом. Вторая девица замахнулась бутылкой, но «Крюгер» увернулся и отскочил. В следующую секунду изловчился и носком ботинка ударил девицу под руку. Выбитая бутылка отлетела к стене, разбилась. Крюгер взмахнул правой рукой, и пять кровавых борозд пролегло через все лицо той, что совсем недавно оглушила его.

Девица схватилась за рассеченное лицо. Саша взмахнул левой и такие же пять кровавых линий пробежало по ее пальцам.

В самом конце коридора была лестница на чердак. Узкая, сваренная из металлических прутьев, – поднималась к люку. Вторая девица ринулась туда. Если и было где-то спасение, – только там. Она знала: замок, который висит на люке, не заперт. В обычное время на чердак проникнуть нельзя. Но пока общежитие пустовало, комендантша пустила туда ночевать строительных рабочих. Они ремонтировали по соседству здание «общаги» другого института. Когда перед началом учебного года стали съезжаться студенты, ночлежка на чердаке была «прикрыта».

Комендантша несколько раз сама поднималась на чердак: подметала, выносила расстеленные на полу газеты, бутылки и пластиковые стаканчики. Пока эти хлопоты не были завершены, дужка замка, висевшего на люке, оставалась незакрепленной.

Когда девица побежала, «Крюгер» мгновение промешкал. Он как раз приготовился «погрузить» в ее подружку «ногти». Так, как представлял в своих садистских мечтах. Жертва успела отнять руки от лица, дико закричать и побежать вслед за подружкой.

Саша был уверен: студентки от него не уйдут. Потому просто не торопясь двинулся вслед за ними.

Он наслаждался их бегством, своим могуществом, кровью, которой был закапан теперь пол коридора, криками. Парень стал настоящим «Фредди Крюгером».

В этот же момент первая изрезанная им девица сообщила в трубку телефонного аппарата, – он находился в комнатке комендантши, – адрес общежития. Отделение полиции располагалось от него через два дома. Номер телефона – напечатан на листе бумаги, что лежал под стеклом на столе комендантши...

«Фредди» был восхищен своей ролью: все даже лучше, чем предполагал. По большому счету, завершись история с девицами на этом месте, не испытывал бы разочарования.

Он уже «словил» достаточно удовольствия.

Девицы распахивали люк. Тяжелая деревянная крышка, обитая металлическим листом, с грохотом откинулась в сторону. Та из студенток, что была меньше изранена, скрылась на чердаке. Вторая медленно карабкалась следом за ней.

Этаж по-прежнему безлюден. Ниоткуда не доносилось ни звука. Саша вспомнил свой первый эксперимент с «ногтями». Там, у себя в городке. Здесь в Москве получалось иначе – интересней! «Не зря приехал!» – подумал «Крюгер».

«Надо разбудить Евграфа – решил он. – На чердак поднимемся вместе. Я уступлю ему «ногти» со своей левой руки. А сам поработаю правой».

Саша развернулся. Быстро дошел до двери комнаты, в которой спал Тюрморезов. Уже взялся за ручку, как вдруг расслышал со стороны лестницы громкие голоса: сочный бас, второй голос – не такой звучный, но принадлежавший взрослому мужчине и несколько девичьих голосов, – они перебивали друг друга.

«Крюгер» вздрогнул. Мужским голосам могло быть только одно объяснение...

Он словно бы протрезвел. В Москве Саша находился меньше суток. Огромный город произвел на него впечатление, – все это время он пребывал в состоянии эйфории. Перестал бояться. Казалось, здесь можно вытворять, что угодно. Всегда можно раствориться в людском многолюдье, уйти от ответственности... Он стремительно зашел в комнату, закрыл за собой дверь, повернул ключ, который Евграф оставил в замочной скважине. Приблизил ухо к щели между дверным полотном и косяком.

Через десяток секунд послышались энергичные шаги нескольких пар ног.

– Кровь!.. Он их порезал. Где они? – раздался мужской бас совсем рядом. Полицейский прошел меньше, чем в метре от двери, но не остановился.

Саша напряг слух. «Сейчас они поднимутся на чердак, я выскочу, сбегу вниз и окажусь на улице», – пронеслось в его голове. Мужские шаги удалялись в сторону лестницы на чердак. Тут же послышались возбужденные голоса студенток. «Крюгер» понял: это – подружки девушки, которая стала его первой жертвой.

Голосов становилось больше. Выскочить из комнаты незаметно не удастся.

– Из какой он комнаты?.. Не знаю, никогда его прежде не видела... Может, он забежал с улицы?.. Скорее всего... Выскочить он не мог. Надо обыскать общежитие... – ловил Саша обрывки разговоров.

С той стороны, где была лестничка на чердак, послышались глухие удары. Били в люк.

«Крюгер» нажал клавишу выключателя. Комнату залил яркий свет.

Евграф лежал на кровати, натянув на голову одеяло. Саша подошел к нему, потряс за плечо. Был по-прежнему с «ногтями»-кинжалами на пальцах. Кровь с них испачкала одеяло.

Тюрморезов моментально проснулся, резким движением приподнялся на локтях. Взгляд устремлен на металлические полосы с еще не засохшими багровыми пятнами. Секунд пять не мог отвести от них взгляда, потом перевел его на лицо нового знакомого.

Почему-то Евграф был уверен: на него Саша не нападет. Спокойно ждал, когда «Крюгер» скажет хоть слово. Тот как будто онемел...

– Погаси свет! – распорядился Евграф.

Новый знакомый тот час же подошел к двери. Щелчок, – лампочка погасла.

До них донесся звук сильных, мерных ударов. Голоса за дверью звучали громче и взволнованней, чем прежде.

Приятеля не знали: порезанные «Крюгером» девицы закрыли люк на чердак и боятся открывать его. Сильное кровотечение у ударившей Сашу студентки не останавливается. С каждой минутой она слабеет больше и больше.

Полицейскому, взобравшемуся на узенькую лесенку, не хватает сил приподнять люк. К тому же, не знает, кто держит его сверху. Потому не особенно старается. Все в коридоре уверены: парень со страшными «ногтями» – на чердаке. Вместе со своими жертвами. Наверняка, успел зарезать их, – сейчас это основная версия...

Евграф проявил себя, как человек, способный в критическую минуту действовать спокойно и разумно. Подошел к валявшемуся на полу пальто, поднял его, отряхнул, надел на себя. Затем приблизился к окну. Выглянул на улицу: фонари освещали пустую проезжую часть, тротуары. Кладбищенская территория по-прежнему укрыта густым мраком. До рассвета далеко.

«Крюгер» не шевелился. Его охватил ступор. Лицо измазано в крови. В комнату постукали. Потом еще раз – сильнее.

Тюрморезов повернулся к своему новому знакомому.

* * *

Когда парни, присоединившиеся к стоявшим за дверью девицам, забарабанили в дверь изо всех сил, она распахнулась. На пороге стоял в своем длинном пальто Тюрморезов. Света в комнате не было. Из коридора невозможно было рассмотреть, что внутри. Люди, стоявшие по другую сторону порога, на мгновение замерли. Король Психов воспользовался паузой: развернулся, за ноги резкими движениями выволок из комнаты в коридор тело «Крюгера». Девицы ахнули.

– Помогите нести его! – властно распорядился Тюрморезов. Он обращался к парням. Тут же сам схватил «Крюгера» под мышки. Голова того запрокинулась.

Парни неохотно, еще ничего не понимая, взяли «Крюгера» за ноги.

– Что с ним? – робко спросила одна из девушек.

– Я его, кажется, убил... – ответил Тюрморезов. – Отбил ему голову. Нужна скорая!.. Что вы стоите?! – вдруг истерично взвизгнул Евграф. – Всех посадят за убийство! И вас тоже!..

– Нас-то за что? – испуганно проговорил парень, что держал «Крюгера» за ногу. Тем не менее, торопливо посеменил в сторону лестницы. Второй парень двинулся с места одновременно с ним. Девицы, изрядно напуганные происшедшим, в особенности – последними словами Евграфа, застыли. Потом нерешительно двинулись за тролицей, тащившей «Крюгера».

Ни они, ни парни не обратили внимания на странный отсвет, исходивший из глубины темной комнаты. Дверь в нее была по-прежнему распахнута.

Полицейские находились у люка на чердак. Тюрморезов ни разу не посмотрел в их сторону. Но когда стали спускать «Крюгера» вниз по лестнице, он бросил на них короткий взгляд. Люди в форме не ринулись вслед за ними, по-прежнему находились у люка.

«Получилось!» – возликовал он.

«Мертвый» «Крюгер» не подавал признаков жизни. Голова еще больше запрокинулась назад, тело было обмякшим, словно лишенным костей. «Хорошо играет!» – отметил про себя Тюрморезов.

Они успели спуститься почти до первого этажа, когда сверху донеслись отчаянные крики: «Пожар! Горим!» К этому моменту отстала половина девушек, сопровождавших троицу, что тащила «Крюгера» к выходу из общежития. Когда раздалась крики, девушки стояли на несколько пролетов выше по лестнице и смотрели вниз.

– Что там происходит? – занервничал один из парней.

– Надо подняться... Может, надо скорее спасать... Хоть документы заберу из комнаты. Что там происходит? – паника охватила и другого.

Король Психов отлично знал, что происходит наверху. Перед тем, как открыть дверь комнаты, он поджег зажигалкой угол простыни на кровати. Тогда он опасался, что простыня не разгорится, но теперь понял – план удался.

– Помогите мне донести его до низа!.. Черт!.. Это горит у меня в комнате! Он угрожал мне огнем! – выкрикнул Тюрморезов.

Торопливо снесли «Крюгера» по последнему пролету лестницы на первый этаж. Положили прямо на выложенный кафельной плиткой пол. В маленькой комнатке за стеклом никого не было.

– Все, побегу наверх! – крикнул Тюрморезов. Ринулся вверх по лестнице. Краем глаза успел заметить: «Крюгер» впервые за все время пошевелился.

– А как быть с этим? – один из парней, не глядя на Крюгера, показал на него пальцем. Но другой парень уже побежал вверх, вслед за Тюрморезовым и этот, спрашивавший, тоже поспешил за ними.

Едва они поднялись на несколько пролетов, сверху им навстречу пробежали девушки. Они кричали:

– Горим! Скорее вниз... Вы что, с ума сошли?! Сейчас отсюда не выйдешь! Тюрморезов и парни остановились в замешательстве. «Удрал ли «Крюгер»?» – думал Евграф.

– Сюда!.. Он убегает! Он жив! – крики девиц, успевших спуститься на один лестничный пролет, стали ответом на его мысли.

Тут же развернулся и побежал вслед за девицами, к выходу из общежития.

«Крюгера» он уже не увидел. Дверь была распахнута, через нее на улицу одна за другой вылетали девушки.

Оказавшись перед входом в общежитие, Король Психов увидел в темноте убежавшего «Крюгера». Через мгновение тот свернул за дом.

– Упустили... – пробормотал Тюрморезов, «работая» на одну из общежитских студенток, стоявших рядом с ним.

План удался.

Глава восьмая Вторая церковь Евграфа Тюрморезова

Максим Косопузов

– Значит, у вас большой опыт работы с медучреждениями... – важно проговорил Максим Косопузов, глядя на сидевшего через стол от него на краешке стула лже-Скворцова.

Псих что было сил старался изобразить смирение и готовность угождать возможному работодателю.

– Да, ведь я часто болел. Этим объясняются большие перерывы в моем трудовом стаже, – торопливо проговорил лже-Скворцов. – Но с другой стороны, теперь я знаю все больницы и всех врачей...

Псих не врал, он просто не договаривал: больницы он действительно знал. Но только психиатрические тюремного типа, знал и их врачей.

– А как насчет зарплаты – приступил Косопузов к пункту, который волновал его больше всего.

Разговор шел в маленьком закутке, отделенном от остальной комнаты, в которой сидели сотрудники компании, тонкой офисной перегородкой. Места в закутке хватило только на то, чтобы установить здесь круглый столик и вокруг него – несколько стульев.

– Я согласен на ту зарплату, которую вы мне предложите, – проговорил Псих.

Склоняясь к столу, лже-Скворцов подобострастно выгибал спину. Настроение у него было при этом отличное, он чувствовал, что "карта идет в руки".

– Более того, я хочу получить опыт в фирме. Такой, как ваша и под руководством такого опытного человека, как вы. И за этот опыт я готов платить – отдавать вам часть своей зарплаты, ту, которую вы посчитаете нужным... – проговорил лже-Скворцов.

Опасный психопат, в прошлом нападавший на молодых женщин, минировавший городские здания и пытавшийся создать боевую организацию, которая станет "полевым трибуналом" для сотрудников полиции – "беспощадным и приводящим свои приговоры в действие немедленно" – Псих обладал изрядными способностями к перевоплощению. Корчить из себя для маскировки «убогого» было ему не впервой.

А Максим Косопузов только с убогими и мог иметь дело. Он и сам был убогий и на фоне умных, полноценных людей терялся и чувствовал себя не в своей тарелке.

Косопузов не догадывался, что перед ним – опасный сумасшедший. Но если предположить, что он каким-то образом узнал бы это, еще не известно, оттолкнуло бы его это знание от лже-Скворцова или нет. Максиму было проще иметь дело с психом. Главное, чтобы псих этот не затевал ничего лично против Косопузова. Но только не брать в фирму какого-нибудь «нормального» работника, на чьем фоне Максим станет выглядеть жалко.

После неприкрытой лести и готовности лже-Скворцова отдавать часть зарплаты Косопузов возликовал: кандидат и до этого нравился ему своей скромностью, своим опытом в деле общения с медучреждениями, теперь же Максим понял – ему неслыханно повезло – он встретил идеального кандидата!

Лже-Скворцов тоже радовался своему везению: он встретил одного из тех людей, кого по праву можно называть добровольными помощниками сумасшедших. Теперь у лже-Скворцова будет зарплата. Как там все получится с «Группой личностей» – еще не известно, и теперь у Психа, как запасной вариант, будет настоящая работа, деньги.

Прошлое Евграфа Тюрморезова.

– Зачем вы хотели меня видеть? – баском спросил Евграфа настоятель одного из главных православных храмов столицы.

Священник появился в церкви несколько минут назад. Служки, – ими, так же как в родной церкви Тюрморезова, здесь были пожилые женщины, – сообщили, что в узком коридорчике его поджидает какой-то весьма вежливый, с виду вполне приличный, но чрезмерно настойчивый молодой человек. Объяснить, зачем ему понадобилось увидеть настоятеля храма, он категорически отказался.

Служки поняли, что молодой человек, – назвался Маратом Семеновым, – настоятеля никогда прежде не видел и даже не знает, как его зовут...

Ожидавший молодой человек священнику не понравился. Глаза парня глубоко запали. Черты лица заострены. «Похоже, недавно освобожден из тюрьмы», – подумал настоятель.

– У меня к вам дело... Давайте зайдем куда-нибудь, где можно поговорить. Один на один! – Евграф говорил простуженным голосом.

– Зачем? – настоятель насторожился еще сильнее.

– У вас там есть домик... За храмом. Пойдемте туда. Там и поговорим, – продолжал настаивать молодой человек.

Действительно в одной из построек, располагавшихся за церковным забором, у настоятеля был кабинет. Но вести туда непрошеного гостя он не собирался.

Священник обратил внимание: молодого человека очень изумило, что он не намерен приглашать его куда-либо дальше коридора. «Очень странное поведение... Это какой-то псих», – думал настоятель.

– Хорошо, я скажу вам все здесь, – наконец сдался Тюрморезов. – Я святой. Этот храм построен в увековечение моей памяти... – он с вызовом посмотрел на настоятеля.

Тот взирал на парня с изумлением.

– Поймите, святым тоже нужны деньги, – продолжал Евграф. – Вы слушаете меня?! – вдруг вскричал он.

Тюрморезов уже два дня ничего не ел, а потому запасы его терпения крайне оскудели.

Глядя в его горевшие лихорадочным огнем глаза, священник неожиданно для самого себя растерялся.

– Я слушаю... Но не понимаю, что вам от меня надо, – проговорил он.

– Десять процентов выручки от продажи церковных свечей, – выпалил Евграф. Терпение его подошло к концу. – Или вы пожалеете о том, что отказали мне.

В этот момент Тюрморезов уже с трудом соображал, что говорит. Церкви и священники были его главной надеждой в огромном, бездушном городе. Евграф был смышленным парнем. Но не следует забывать, в каком глухом деревенском уголке он вырос. Каким темным был мир, который окружал его с раннего детства и до последнего времени.

Почему-то (хотя, конечно, объясняется все очень просто – добротой сельского попа Ивана) Тюрморезову представлялось, что священники, где бы они ни жили, обязательно должны помогать ему. Всех их Тюрморезов наделял чертами своего доброго гения – Ивана.

К тому моменту, когда Евграф оказался в коридоре храма, положение его было отчаянным. Не было ни денег, ни жилья. Из общежития после «ночи Фредди Крюгера» пришлось сбежать. Ни о какой работе он даже и не помышлял: ни в тот момент, ни позже у Тюрморезова даже мысли не возникало, что можно где-то работать, получить какую-нибудь профессию, учиться. Как те ребята, рядом с которыми он несколько дней жил в общежитии.

Все размышления направлены только в одну сторону – как достать денег без работы.

Настоятель храма молчал. Знал: вот-вот по коридору вслед за ним должна пойти церковная служительница, и тянул время. Чувствовал, что находится в опасности. Лишний свидетель не помешает. Кто знает, что может сделать этот молодой человек, если настоятель попытается уйти от него прямо сейчас?

В воздухе повисло напряжение. Тут с Тюрморезовым случилась истерика.

Когда входил в храм, в его голове было какое-то подобие плана. Сейчас перестал изображать, что делает.

– Если вы немедленно не дадите мне сколько-нибудь денег... – на этих словах парня священник отшатнулся. Тот тем временем запнулся, не находя слов. – Я... Почему вы отказываетесь сделать это?.. Или вы не отказываетесь? – в голосе Евграфа зазвучало сомнение. – Вы передадите мне некоторую сумму прямо сегодня?.. Учтите, я действительно святой. Я необыкновенный человек. Не такой, как все. В обязанности каждого священника входит помогать мне... – поскольку настоятель храма ничего не говорил, лишь с изумлением слушал молодого человека, тот приободрился. У Тюрморезова появилась надежда: все будет хорошо. – Я из деревни. Там у нас в округе была церковь, можете проверить. Они все про меня знают. Помогали мне. Можете спросить у попа Ивана...

Первоначальный страх, который испытал настоятель храма, начал проходить. «Да это просто какой-то идиот!» – подумал он и презрительно фыркнул.

– Ах вот вы как! – вскричал Евграф. – Ну, так берегитесь! Я отомщу вам!.. Вы заплатите...

Тюрморезов брызгал слюной. Настоятель попятился. Евграф, продолжая изрыгать проклятья, шагнул ему навстречу. Краем глаза настоятель храма заметил: в начале коридора появилась та самая служка, которая хотела с ним поговорит. Она шла в домик за церковью, в который направлялся и сам настоятель, когда встретил Евграфа. Священник, решивший, что парень собирается его ударить, закричал:

– Сюда! На помощь! Вызовите полицию! – он бросился по коридорчику в сторону церковного зала.

Тюрморезов моментально кинулся вслед, но настигнув священника просто оттолкнул его в сторону и побежал в церковный зал к дверям на улицу.

Служка отскочила в сторону, прижалась к стене, проводила парня долгим взглядом.

К вопросу о прошлом Евграфа Тюрморезова

Зайдя в домик, в котором был его кабинет, – в нем он решал хозяйственные дела храма, – настоятель сел на кресло за письменным столом. Задумался...

Требовавший денег парень казался ему теперь и вправду кем-то вроде юродивого. «Бог с ним!» – подумал священник и не стал обращаться в полицию.

И зря.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Выбегая из церкви, Евграф думал вовсе не о спасении от полиции. Его до такой степени душила злоба, – заботиться о собственной безопасности был не в состоянии. Конечно, естественным было бы предположить: после того, как Евграф устроил пожары в родном совхозе, он выберет орудием мщения огонь. Но все вышло не так. В больном сознании Тюрморезова после короткой, но эмоциональной беседы со священником возник образ некоего «удара».

Выскочив на паперть большой и богатой церкви, Евграф размахивал кулаком и повторял:

– Я тебе вдарю! Ну я тебе вмажу!..

Он обернулся – старинный храм глыбой возвышался за его спиной. Высокие и широкие двери, распахивавшиеся на полную ширину лишь во время значительных праздников, теперь напоминали ворота крепости, в которых раскрыта лишь маленькая щель.

Тюрморезов отвернулся от храма, осмотрел прилегавшие к нему улицы и площадь. В этот момент он находился в невменяемом состоянии и в то же время вполне четко мог выполнять совершенно дерзкие планы.

Один только что родился в его голове.

Евграф медленно спустился с последних двух ступенек паперти. Не торопясь, словно присматриваясь, направился туда, где только что заметил стоянку машин, владельцы которых занимались частным извозом.

Всего у кромки тротуара стояло четыре автомобиля. Все, как на подбор, выдавшие виды старенькие «Жигули». Владельцы тех, что стояли в очереди третьим и четвертым, сидели в своих машинах. Хозяева двух автомобилей, которые были в начале колонны, курили и разговаривали на тротуаре.

Все это Евграф рассмотрел издали.

Он неторопясь дошагал до светофора. Сумасшедший блеск, который был у него в глазах, когда выбежал из церкви, к этому моменту исчез. Спокойно дождался, пока свет переключится. Медленно, – его обгоняли другие прохожие, – перешел на другую сторону улицы к таксистам.

Когда ступил на противоположный тротуар, то пошел еще медленнее. При этом не отрываясь смотрел на двух куривших «бомбил». Полы черного пальто Тюрморезова плотно запахнуты. После того, как на нем повалился «Фредди Крюгер», оно было грязным и измятым. Но Евграф сегодня опять надел его.

Таксисты сразу обратили на парня внимание. Замолчали... Евграф выглядел странно. Было ясно: сейчас он к ним пристанет. Однако «бомбилы» были людьми не робкого десятка, терпели, ожидали его подхода спокойно.

В паре метров от водителей он на мгновение он замер. В следующую секунду, – так им показалось, – начнет разговор. Но это был обманный маневр. Парень сделал два резких шага и оказался вплотную к мужчинам.

– Под пальто бомба! Я террорист. Может взорваться. Я не хочу этого. Не шевелитесь! – выпалил он скороговоркой.

Зрачки обоих водителей расширились, но «бомбилы» не сдвинулись с места.

– Мне нужно отъехать подальше! Возьму вашу машину. Иначе пострадают люди... Много людей, – продолжал он.

Действительно, по тротуару мимо них сновали толпы народа.

Водители по-прежнему молчали и не шевелились.

Для всего замысла наступил критический момент. Евграф прекрасно понимал это. Резко повернулся и сделал несколько стремительных шагов в сторону капота «жигуленка», стоявшего первым.

Достаточно было одному из таксистов протянуть руку, схватить его сзади за шиворот, и «все бы пропало». Но, видимо, в глазах парня было что-то такое, – они восприняли слова о бомбе серьезно.

И тут Евграф через стекло заметил: ключей в замке зажигания первой машины нет. Как же не подумал об этом обстоятельстве!.. Взгляд его переместился на следующий автомобиль в очереди...

Водитель легковушки, стоявшей второй, думал: никому не удастся быстро уехать на его авто. Спереди и сзади дорогу преграждали другие «Жигули». Потому беспечно оставил ключи в замке. Это была удача!

Тюрморезов быстро прошел между автомобилями и, распахнув дверцу, уселся за руль той машины, что стояла в очереди второй. Таксисты не двигались с места.

Мотор легковушки взревел. Еще в школе Евграф научился водить грузовик. Деревенских парней на курсах профориентации в старших классах средней школы учили водить машину. Евграф дернул «жигуленок» вперед. Он ударил бампером бампер того, что стоял впереди. В это мгновение очнулся шофер автомобиля, стоявшего сзади.

В испуге он завел двигатель и дернулся назад. Интервал между его машиной и машиной, стоявшей в очереди последней, был большим и позволял это сделать.

Тюрморезов увидел маневр заднего автомобиля в зеркало. Резким коротким движением включил заднюю передачу. Легковушка дернулась назад, тут же замерла. До бампера стоявшего за ней частного такси оставалось в этот момент двадцать сантиметров. Следом Евграф резко выкрутил руль и «Жигули», наконец, вырвались со стоянки.

Двое водителей не сделали ни малейшей попытки остановить Евграфа.

От храма его отделяло небольшое расстояние.

Такси, за рулем которого сидел Тюрморезов, рыскало из стороны в сторону. Если бы ему нужно было проехать не несколько десятков метров, а больше, он бы непременно столкнулся с кем-нибудь. Евграф перестроился в левый ряд. Метров двадцать до самой церкви катил в нем, то и дело выезжая на встречную полосу.

Его целью был храм. Но две сплошных линии уверяли, что подъехать к нему невозможно. Для того, чтобы сделать это, требовалось миновать два светофора, – где-то в общей сложности полкилометра пути, – потом добраться до третьего, – он находился совсем рядом со вторым, и только на нем можно было развернуться и мчать обратно.

Но даже после этого нельзя подъехать к дверям храма. Они смотрели на тесную площадь, на которой не было автомобильного движения. Свои машины прихожане оставляли у бордюра по краям площади, либо, поскольку парковочные места там почти всегда заняты, вынуждены ехать дальше, оставлять машину чуть ли не за несколько сотен метров от храма.

Тюрморезов крутанул руль. Машина, в очередной раз переехав через две сплошных, обратно за них уже не возвращалась...

«Жигуленок», за рулем которого сидел Евграф, помчал напрямки – через полосу встречного движения – к окаймленной бордюром пешеходной площади перед храмом.

На его удачу машин на встречной полосе почти не было. Впереди – светофор. Стартуя от него, встречные машины обычно проскакивали по улице плотно сбитым табуном, норовя перегнать друг друга. Как раз теперь предыдущий «табун» давно проскочил, а новый только только рванул вперед со светофора. Тем не менее двум самым резвым машинам пришлось с визгом шин тормозить. Одна из них увернулась от удара с «жигуленком» Евграфа лишь едва.

Между припаркованными вдоль бордюра машинами – лишь узкое пространство. Проскочить в него, не задев соседние автомобили, можно было только имея изрядное водительское мастерство. Евграф сделал это, – ему просто повезло. Передние колеса легковушки с силой ударились о бордюр, и частное такси въехало на пешеходную площадь. Тюрморезов еще сильнее надавил педаль газа, – машина помчалась к дверям церкви.

Будь площадь побольше, такси наверняка бы влетело прямо в зал, задавило кого-нибудь из верующих. Но судьба уберегла Евграфа. Не дала ему стать убийцей. Такси не хватило места, чтобы как следует разогнаться для страшного тарана.

Автомобиль преодолел не столько высокие, сколько длинные ступени паперти, ударился в высокую двустворчатую дверь.

Она была из досок толщиной чуть меньше десяти сантиметров. По краям они обиты железом. Штыри, на которых держались петли больших створок, глубоко вмурованы в кирпич. Малая дверка, которая была в одной из половин большой двери, от удара распахнулась. Передок машины погнул железную полосу, раздробил несколько досок.

И все же машина не проникла внутрь, хотя ширина створа позволяла ей это сделать.

Никого из прихожан ни в двери, ни возле нее в этот момент не было. Пострадавших не оказалось.

Тюморезов во время удара вцепился в руль и отделался лишь ушибом грудной клетки. И то не сильным. Поняв, что план его если и удался, то лишь отчасти, – он мечтал въехать на машине в алтарь и сокрушить его, – молодой человек выскочил из-за руля и побежал от церкви прочь.

Никто не сделал попытки задержать его.

Глава девятая

Читатель ста шестидесяти четырех детективов делает предложение спецслужбе

Прошлое Евграфа Тюрморезова

На всякий случай побродив по переулкам в центре города еще около часа, Евграф спросил у какой-то женщины, как ему найти ближайшую станцию метро. Его расхристанный вид, грязное мятое пальто, горевшие глаза испугали ее, но она все же подробно объяснила ему дорогу. Не поблагодарив, Тюрморезов поспешил к станции.

На метро добрался до Лубянской площади. Его интересовало здание ФСБ... Туда его не пустили. Однако уже через двадцать минут на соседней улице Евграф разговаривал с дежурным офицером Приемной, что принадлежала секретной службе.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

– Я вам предлагаю новую национальную идею! – проговорил Евграф.

– Так... Очень интересно, – ответил беседовавший с ним офицер ФСБ. – А террористический акт? Вы сказали, что у вас есть информация о готовящемся террористическом акте.

– Да. То есть нет... Никакой информацией о готовящемся террористическом акте я не владею. Я выдумал, что знаю о нем. Мне казалось, без этого вы меня не выслушаете. Мне необходимо сообщить вам о новой национальной идее. Я ее придумал сам, – проговорил Тюрморезов.

Парень к этому моменту почувствовал упадок сил. Он уже был не рад, что именно сегодня затеял мороку с изложением выдуманной национальной идеи. Но ему казалось глупым и нерациональным бросать начатое на середине. Тихим голосом Тюрморезов принялся излагать офицеру собственные мысли.

Тому было любопытно. Слушал не перебивая. Уже решил, что задержит парня, – провести подробное разбирательство – почему он сообщил о террористическом акте, что на самом деле знает, в чем замешан. Тюрморезова перед этим верно отнес к опасным сумасшедшим. Таких, даже если они пока еще ничего не натворили, необходимо задерживать. Иначе они могут стать источником большой беды.

– Поймите, у нас в деревне... Я сам из деревни, – Офицер ФСБ в очередной раз убедился, что все его первоначальные оценки этого паренька соответствуют истине. Грязное и мятое длинное пальто не по моде, скромный костюмчик, – с самого начала оценил парня, как выходца из какой-то невероятно глухой и нищей провинции. – У нас уже жителей-то почти не осталось. Все постройки, принадлежавшие когда-то совхозу, недавно сгорели. Делать там совершенно нечего. Возможно, новым владельцам нашего акционерного общества придется завести рабочих из других регионов. Обрабатывать землю у нас некому. Что я предлагаю: всем оставшимся в живых местным жителям рассеяться по свету, по всем зарубежным странам...

– Что они станут там делать? – с улыбкой спросил офицер. – Ведь они и в соседнем городке-то, небось, были всего раз в жизни...

– Переправлять за границу надо не всех. У меня есть проект превращения русских во всемирную нацию. То есть такую, которая живет по всему миру при этом сохраняя свои

национальные черты. – Офицер было открыл рот, чтобы сказать что-то, но Евграф продолжил говорить, не давая ему вставить слово. – Я понимаю, какие возражения на этот счет вы можете сделать. Мол, народ, особенно из таких глухих мест, как мои... Так я и это обстоятельство в своем плане предусмотрел. Я предлагаю все эти колонии-поселения за рубежом по первому времени организовывать строго под контролем вашей организации. Посудите сами – опыт работы за границей у вас, как у разведчиков, имеется. Специальные уполномоченные от вас станут следить, чтобы русские колонисты в Европе не склочничали между собой, а наоборот: всячески содействовали успеху друг друга – выбился в люди сам, помоги сделать это товарищу.

Собеседник Евграфа усмехнулся.

– На первом этапе нашей с вами совместной деятельности я предлагаю вам создать особую организацию, которая будет заниматься переселением русских из России за рубеж, – продолжал Тюрморезов. – Мы будем определять для них страну, город, область деятельности. Координировать там их усилия. Для этого, разумеется, на первоначальном этапе понадобятся какие-то вложения. Так сказать подъемные. Эти средства стану распределять я... Разумеется, в контакте с вами.

Офицер расхохотался. Простодушная незатейливость собеседника его подкупала. Тем не менее он ни на секунду не забывал, что перед ним человек, сделавший ложное сообщение о якобы имевшихся у него сведениях о подготовке террористического акта.

Лицо Евграфа потемнело.

– Похоже, я вас ни в чем не убедил, – неожиданно зло сказал он и бросил на собеседника прямой, вызывающий взгляд. Евграф сделал паузу. Затем продолжал металлическим, отрывистым голосом. – В таком случае, я думаю, вас обязательно убедят будущие события. Ведь вы тоже – член нашего общества. Может быть, у вас в деревне до сих пор живут родственники. В тех краях ловить больше нечего. Скоро, думаю, и в столице тоже будет нечего делать. Поймите, мы проиграли жизнь в своих собственных краях. Нам необходимо расселяться по свету...

– Ну а кто же, в таком случае, станет жить здесь, как вы думаете? – так же зло и с вызовом спросил офицер.

– Кто-нибудь да станет. Но в условиях глобализации нельзя не попробовать расселиться по всему миру. Наш народ никогда самостоятельно нормальной жизни не построит. Но вот если наших людей вкрапить, как специи, в «блюда» чужой жизни, то они могут достичь успехов и снискать славу!..

Офицер задержал Тюрморезова для выяснения всех обстоятельств, связанных с его странным визитом в приемную...

Прошлое Евграфа Тюрморезова

В тот же вечер, когда Евграфа еще не успели увезти из здания ФСБ в психиатрическую лечебницу, обнаружилось, что он находится в розыске, как главный подозреваемый в поджоге строений бывшего совхоза. Следователь, который занимался им в ФСБ (не тот, что разговаривал с ним приемной, а другой), не смог к этому времени выяснить что-либо, что и без того не было еще известно: Тюрморезов выдумал свое сообщение о террористическом акте лишь для того, чтобы его поскорее выслушали сотрудники спецслужбы. Подлинной его целью было предложить «органам» проект «пилотного» переселения части русского общества за рубеж. Больше он ничего сказать не мог.

Было принято решение направить Тюрморезова на психиатрическую экспертизу. Одновременно в его родной деревне поп Иван прилагал невероятные усилия, чтобы поступок Евграфа был квалифицирован не как сознательное преступление, а как деяние больного

человека, который в умопомрачении не ведал, что творит. Поп Иван подробно рассказал полиции о своих наблюдениях за младшим Тюрморезовым с самого его детства. Описал поступок Евграфа в церкви...

Когда экспертиза, на которую Тюрморезова отправили из ФСБ, была уже проведена, выяснилось, что в результате устроенного им пожара никто не погиб. Бывшее совхозное хозяйство оказалось к тому моменту продано новому владельцу. А тот с самого начала планировал снести сожженные Евграфом старые постройки...

Поджог был расценен, как поступок сумасшедшего, который по счастливой случайности не принес никому большого вреда. Тюрморезов признали психически больным и направили на принудительное лечение в заведение тюремного типа.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Через несколько часов после того, как легковой автомобиль, разогнавшись, взлетел вверх на церковную паперть и протаранил церковные ворота, к настоятелю храма, – он лично присутствовал при срочно проводившемся ремонте, – подошла одна из прихожанок.

– Отец настоятель, благословите! – произнесла она и скромно потупила взор.

Священник повернулся и посмотрел на женщину: нет, он не мог ее вспомнить.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Здравствуйте! – проговорил он. Женщина стояла рядом с ним, не произнося больше ни слова, но и не отходя.

Священник перевел взгляд на двери храма, которые чинили рабочие. К прихожанке, обратившейся к нему, тут же подошла служка и принялась тихим голосом, почти шепотом объяснять ей, что настоятель в данный момент занят, что случились плохие события и ей лучше подойти со своим разговором в другое время. Прихожанка ответила, что разговор она собирается повести как раз об этих событиях.

– Я могу сообщить батюшке очень важную информацию! – проговорила она настолько громко, что священник опять повернулся к ней.

К истории прошлого Евграфа Тюрморезова

– Я работаю в обычной районной библиотеке неподалеку отсюда, – проговорила женщина, сев на кресло в небольшом, но обставленном дорогой мебелью кабинете настоятеля.

Батюшка сидел на своем обычном месте за столом, где всегда разбирал разные хозяйственные и церковные документы. В руках вертел позолоченную шариковую ручку. Но листа бумаги или блокнота перед ним не было. Священник, – что бывало с ним крайне редко, – чувствовал себя не в своей тарелке. Почему-то никак не мог определить своего отношения к тому парню, что таким диким образом отомстил ему за отказ дать денег. Из головы не шла фраза, которую молодой человек сказал в полдень во время их разговора: про то, что ему помогал какой-то священник там, в деревне. «Почему он это делал? Может быть, я чего-то в нем не понял?»

– Так получилось, что сегодня я была в церкви, – продолжала женщина. – Около полудня услышала, как кто-то кричит, зовет полицию. Вслед за этим к выходу через церковь пробежал молодой человек. Я сразу узнала его. В последние три дня он заходил в нашу библиотеку.

Настоятель изумленно крикнул. «Вот как! В библиотеку...» «Впрочем, чего тут удивительного, – тут же подумал он. – Разве среди психопатов нет читающих людей?!.. Одно другому не мешает. С самого начала было видно: он – не обычный грубый вымогатель из уголовников».

– Потом, я вышла из храма и увидела, как мчится машина. За рулем – все тот же знакомый молодой человек. Дальнейшее вы знаете...

– Ну так и что же?.. – нетерпеливо сказал священник. – Кто он? Что вы можете про него сказать?

– Его зовут Евграф Тюрморезов. Он из деревеньки Никольское. За три последних дня он взял у меня по абонементу и прочитал сто шестьдесят четыре детектива.

– Сколько?!.. Пойдите, это же больше, чем по пятьдесят в день?! Нет, невозможно.

– Я тоже так подумала. Но он сказал мне, что разработал какой-то особый способ скоротения... Он – сумасшедший.

Максим Косопузов

Псих поднял голову от стола, на котором лежал прайс-лист на медицинскую технику – вот уже четыре часа, с самого начала рабочего дня, он изучал его. Изучение это длилось не первый день. Час за часом Псих тупо смотрел в страницы с таблицами, в которых в левом столбце – наименования товаров, в правом – цены.

Смотрел он в них позавчера, вчера, сегодня. У Косопузова столь «производительная» работа подчиненного раздражения не вызывала. Он и сам любил «тянуть резину» и часами смотреть в одну и ту же страницу какого-нибудь проспекта медицинской техники.

Продажи все равно большей частью делал сам директор, он же – владелец компании. В задачи Косопузова входило согласование деталей контракта, улаживание разногласий, поддержание контакта с транспортными компаниями, контроль за платежами. С ними-то в последнее время и образовались сложности, о которых сейчас напряженно думал Косопузов.

Сначала одно медицинское учреждение отказалось переводить деньги за новые поставки по действовавшему уже несколько лет контракту, потом другое... То ли конкуренты стали работать лучше, то ли у клиентов появились сложности с финансами, но вчера директор ошарашил Косопузова фразой, которую Максим воспринял, как явный знак надвигающейся на него беды.

– С таким начальником отдела продаж, как ты, бизнес нам не развить. Хорошо еще, если тот, что есть, не умрет полностью, – бросил директор Косопузову в коридоре после того, как тот рассказал ему, что заказчики хотят расторгнуть контракт.

«Это все результат того, что в нашей фирме появился новый сотрудник – Скворцов, – думал сейчас Косопузов. – Сейчас Скворцов войдет в курс дела, и у директора появится возможность выбора – уволит меня, а новенький – останется. Он и будет выполнять всю работу... Я сам себе нашел замену!» – эта мысль так поразила Косопузова, что он не заметил, как новичок встал из-за стола, – открытая дверь кабинета Максима выходила в комнату, в которой сидел Скворцов и стол новичка прекрасно из нее просматривался.

Погруженный в свои невеселые мысли, не заметил Косопузов и того, как Скворцов оказался в косопузовском кабинете.

– Что такое?! – вздрогнул от неожиданности Косопузов, заметивший подчиненного, лишь когда тот уже стоял возле его стола.

Максим смотрел на лицо Скворцова, и его выражение вызывало у Косопузова тревогу. Лже-Скворцов в этот момент точно бы испытывал дикую злобу и одновременно хотел скрыть ее. И от этого по лицу его пробегали какие-то тени, а глаза злыми буравчиками сверлили Косопузова.

– Я что-то в эти дни плохо себя чувствую! – проговорил лже-Скворцов. – Поэтому у меня появилась идея. Пойду-ка я сейчас в одну больницу, к знакомому врачу. Посоветуюсь насчет здоровья и одновременно предложу ему наше оборудование, отдам прайс-лист.

– Хорошо, – тут же согласился Косопузов.

«Надеюсь, у тебя не получится ничего продать! – подумал Максим при этом. – И директор быстро убедится в том, что поменяв меня на тебя, он ничего не выиграет».

Косопузов хотел предложить лже-Скорцову подлечиться поосновательнее – провести в медучреждениях побольше времени. Но тот упредил начальника:

– Если сразу поправиться не удастся, я поеду в другую больницу и там тоже стану предлагать оборудование, – проговорил лже-Скворцов. – Но это может занять время. Так что, может быть завтра и послезавтра я в офисе не появлюсь.

Косопузов кивнул головой.

Глава десятая

В «Альма-Матер» психов и за ее стенами

Прошлое Евграфа Тюрморезова

– Слушай, неужели ты все это выдумываешь сам? – спросил Евграфа Левендеев.

Виталий поступил в одну очень известную психиатрическую больницу для прохождения стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Так же, как и Тюрморезов. Здесь они находились уже четыре дня.

Все это время Евграф пересказывал здешним обитателям содержание детективов, которые он успел прочитать в районной библиотеке перед своим арестом. Тюрморезов выдавал их за романы собственного сочинения.

Левендеев был одним из его преданных слушателей. Здесь у него уже была кличка – Оранжевый. Дело в том, что Виталик помешался на ядах и отравлениях. Евграф пока не знал всей его истории, но последний эпизод, из-за которого Левендеев получил от сокамерников-сопалатников кличку, Тюрморезову был известен...

Виталик смешал какой-то особенно сильный химический яд и подлил его в чай одному из гостей фирмы, в которой работал. Гость был представителем компании – поставщика оборудования, – приехал для обсуждения будущей сделки.

Через пять минут он скончался прямо в переговорной комнате за круглым столом. Его лицо при этом стало желто-оранжевым. Такую расцветку кожа приобрела под действием растворенного в чае химического вещества. Эту историю рассказал Тюрморезову один здешний старожил, которого уже почти признали опасным сексуальным психопатом.

Тюрморезов и Левендеев сидели на узеньком диванчике в просторном холле. Здесь стояли столики с шахматами и шашками. Все они были заняты. Пациенты клиники проводили за игрой время, свободное от экспертиз и посещения врачей.

В ожидании очереди Евграф и Виталик беседовали. Вскоре Тюрморезов начал рассказывать очередной «свой» детектив. За два дня успел пересказать только три романа. Теперешний был четвертый. Левендеев внимательно слушал.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Итак, Евграфа признали невменяемым и без хлопот попа Ивана. Вместо обычной уголовной тюрьмы он был помещен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Однако должного лечения там не получил.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

– У меня есть серьезные связи, скажу тебе честно. Я ведь не просто так все эти детективные истории пересказываю, – прежде Тюрморезов никогда не снисходил до разговора с Васей Ершовым. Считал его ниже себя.

Вася, такой же, как Евграф, пациент психбольницы тюремного типа, сидел напротив него на больничной койке. Тербил воротник кофточка-олимпийки. – Есть опыт, совершенно особый, – продолжал Тюрморезов. – Скажу так: через какое-то время жизнь кардинально изменится. Здесь... Наша жизнь... Семьдесят процентов русских переселят за рубеж, –

сегодня, как и все последнее время Евграф испытывал огромную потребность в общении. С каждым, кого встречал в палатах, коридорах и комнатах отдыха психиатрической лечебницы, хотелось поделиться своими «сенсационными» знаниями. Даже с таким ничтожеством, как Ершов: тот всегда молчал, лишь изредка произносил какие-то отрывочные фразы, больше похожие на мычание. Евграф считал Васю тупоголовой, недоразвитой личностью.

Сила убеждения, которую проявлял Тюрморезов во время этих разговоров, была подобна той, что помогала ему подготавливать поджоги совхозных построек...

Тюрморезов уловил едва различимые шаги. Дверь в палату была закрыта не плотно. Кто-то подошел к двери с другой стороны, замер, прислушиваясь. Евграф замолчал, ожидая, когда тот, кто стоит за дверью, решит, наконец, зайти внутрь. Тюрморезов, не отрываясь, смотрел на дверь. Вася не замечал состояния собеседника, продолжал, глядя в пол, теревить воротник «олимпийки».

Дверь резко распахнулась. На пороге стоял «заключенный» психбольницы, которого другие пациенты звали просто и странно для того, места, где они все находились – Психом. Имени его Евграф не знал.

– Эй, как там тебя... Трюморез... Пойдем, разговор есть, – проговорил Псих, посмотрев сначала на Ершова (как показалось Евграфу – с пренебрежением), затем переведя взгляд на самого Тюрморезова.

Тюрморезов примерно полминуты продолжал сидеть, не говоря ни слова. Точно обдумывая, стоит ли ему куда-то идти с этим человеком.

Потом поднялся, вышел вслед за ним в дверь.

Они остановились на некотором расстоянии от палаты. У противоположной стороны коридора.

– Послушай, Тюрморезов, ты слишком много на себя берешь, – проговорил Псих...

...Через несколько минут Ершов появился на пороге палаты. Медленно двинулся к стоявшим у стены Евграфу и Психу.

– Корчишь из себя особенную личность. Надо тебя проучить, – расслышал Вася. Проговоривший эти слова Псих развернулся и пошел прочь.

– Попробуй, проучи! Вот до того, как я здесь оказался, меня тоже пытался учить один. Смотри, как бы тебе не пожалеть!.. – выкрикнул ему вслед Тюрморезов.

Вася подошел к Евграфу. Несколько мгновений оба смотрели вслед Психу. Тот скрылся за поворотом коридора.

– Зря ты с ним ссоришься, – сказал Ершов. – Он очень опасен. Вчера в «шахматах», – так заключенные психбольницы называли просторное помещение для настольных игр. – сказал, что ты все всем врешь. И что это его органы уполномочили присматривать за здешними обитателями.

Тюрморезов с удивлением смотрел на недавнего собеседника. Оказывается, он умеет говорить! Фразы, которые произносил Ершов, были грамотно выстроены и полны смысла.

– Еще он сказал, что получил от самого Люцифера задание казнить тебя, – продолжал Вася. – Но якобы казнь должна быть произведена в строго определенный день. Но что это за день, Псих не знает. Люцифер зашифровал эту дату в головоломку. Если Псих разгадает ее, он имеет право убить тебя в это число. Если нет – Люцифер больше не станет покровительствовать ему. Ты знаешь, за что Психа поместили сюда?

– Нет... – не сразу ответил Тюрморезов. Он припоминал фразы, которые ему успел сказать Псих. По ним можно было понять только одно: Псих завидует славе и популярности Евграфа среди пациентов «дурки», – ее он заработал пересказом детективов, а также рассказами о том, как он станет руководить переселением жителей России за рубеж.

– И никто не знает. Но обрати внимание, как за ним наблюдает наш профессор. Что-то с этим Психом не так.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

– Вы должны признать меня своим королем!.. – сказал Тюрморезов двум цыганам – Робику и Лачо, сидевшим за столиком в игровой комнате и неспеша разыгрывавшим партию в шашки.

Эти двое оказались в дурке не потому, что на самом деле были сумасшедшими. Просто «косили» под психов, надеясь таким образом уйти от ответственности за какую-то кражу.

Оба цыгана были гораздо старше Евграфа. С Лачо у Тюрморезова отношения не сложились, а вот с Робиком он часто и подолгу беседовал.

Некоторое время назад, заглянув в игровую комнату – «шахматы», Тюрморезов увидел цыган, подошел к ним.

Евграф в этот день «несло»: с самого утра одолевал «словесный понос», с завтрака подходил к пациентам психушки и заводил с ними разговор про то, что он, Тюрморезов – исключительная личность, выделяется на фоне остальных обитателей больницы, если и является психом, то психом выдающимся – Королем Психов. Правда, в чем именно заключается превосходство, Евграф не объяснял, говоря лишь, что превосходит других обитателей «дурдома» во всех отношениях.

Лачо поднялся. Тюрморезов всегда раздражал его, но теперь он понял, что наконец-то должен наказать этого нагло лезущего на рожон юнца: слова о том, что Тюрморезов – король и превосходит всех здешних обитателей Лачо воспринял как оскорбление, нанесенное лично ему.

Между тем, в «шахматах» следом за Тюрморезовым появился и Псих. Он расслышал последние слова, сказанные Евграфом. Тут же «въехал» в ситуацию.

Псих обратил внимание, что Тюрморезов в последнее время стал раздражаться, когда его называли обычным прозвищем и каждый раз говорил:

– Я – не Церковный Псих. Я вообще не псих. Потому, что быть психом – это значит быть таким же, как вы, ничтожеством. Я – если и псих, то псих необыкновенный, ни в чем с вами несравнимый, Король Психов!

Один из врачей, услышавший слова Тюрморезова, сказал при Психе, что у Евграфа, ко всему прочему, начала проявляться еще и мания величия.

Псих про себя согласился с медиком. Тюрморезов Психу ненавистен: «Никакой ты не король! Строишь из себя выдающуюся личность, а на самом деле ты – никто, жалкий поджигатель деревенских коровников!»

Теперь Псих обрадовался. Знал Лачо недолюбливает Тюрморезова. Заносчивые слова Евграфа вывели цыгана из себя. Сейчас обязательно устроит драку и «Король Психов» не досчитается пары зубов. Если вообще не отправится в реанимацию.

Но тут второй цыган вскочил со стула и схватил Лачо сзади за плечи.

– Стой!.. – воскликнул Робик. – Не связывайся с этим... Нужен он тебе? Он не наш.

– Верно. Зато ты ему лучший друг, – раздраженно проговорил Лачо.

– Да, ты прав. Мы с ним друзья, – Робик потащил Лачо к двери в коридор.

Через несколько мгновений оба вышли из игровой комнаты.

Следом за цыганами из «шахмат» вышел и Псих. Смог подслушать, о чем эти двое говорили в коридоре.

– Ты прав, этот парень мне нравится, – говорил Робик Лачо. – Мне кажется, сможем использовать его в одном деле, когда освободимся отсюда. В нем есть что-то особенное. Он и в самом деле не такой, как остальные психи...

– Еще скажи, он – действительно Король Психов! – раздраженно проговорил Лачо.

– Кто знает, может и так! – после этих слов Робик посмотрел на остановившегося в нескольких метрах от них Психа.

Лже-Скворцов медленно пошел по коридору.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

– Скажи, Робик, ты настоящий псих или прикидываешься? – спросил своего друга цыгана Евграф Тюрморезов. – Мне кажется, ты и в самом деле псих. Ты из наших, из настоящих. Ломаешь комедию при своих... Воришках... Пытаешься убедить их, что ты нормальный.

– Смешно! Для них это не имеет никакого значения, – ответил Роберт. На самом деле, для его приятелей цыган это имело значение – они презирали сумасшедших, но Робик боялся как-нибудь ненароком обидеть Церковного Психа.

– Они вообще не задумываются над этим вопросом, – добавил цыган.

– Я предлагаю тебе присоединиться к нам, к настоящим психам. Четче обозначить свое место. Дело в том, что мне поручено довести до всех последнее открытие ученых. Психи – это экспериментальные люди. Природа специально сделала их не такими, как все, чтобы посмотреть, что из этого получится. Если матушка Природа поймет, что какие-то эпизоды эксперимента оказались удачными – она закрепит их результаты. Так что не стоит уж с таким пренебрежением относиться к нам, сумасшедшим. Это, кстати, поняли наши спецслужбы. Они затеяли новый проект: психов будут направлять за границу. Для того, чтобы с их помощью разрушать западные государства. Гибридная война, может, слышал? – Тюрморезов внимательно посмотрел в глаза цыгану.

Робик расхохотался.

– А что ты смеешься? – обиделся Евграф. – Думаешь, я просто так претендую на титул Короля Психов? Я надеюсь, организацию отправки психов в Европу поручат мне. И под это дело спецслужбы вытащат меня из дурки...

– Под это дело, Тюрморез, они могут сделать тебе только лишний укол! – и Робик опять захохотал.

К истории прошлого Евграфа Тюрморезова

В небольшом баре почти не было свободного пространства. Вдоль стойки – ряд высоких деревянных табуретов. Пространство между ними и противоположной стеной занимали несколько столов. За каждым из них могло разместиться человек шесть-семь. Мягкий полусумрак не добавлял уюта.

Эти широкие столы были здесь не к месту. Навевали мысли о казарменном пищеблоке.

Но тот, кто установил их, знал, что делал. Популярностью среди простых смертных это заведение не пользовалось. Если и спускались с улицы в подвальчик какие-нибудь случайные люди, окинув взглядом тесное помещение, как правило, уходили.

Человек, открывший этот бар, рассчитывал: основными посетителями будут его знакомые. Те, в свою очередь, пригласят людей, с которыми водятся сами.

Собиравшиеся здесь люди принадлежал к нескольким преступным сообществам, что делили между собой окрестную территорию.

Все они так или иначе знали друг друга, часто приходили большими компаниями.

Сегодня в зале было пусто. Только за дальним от входа столом друг напротив друга сидели за пивом два человека. Между ними происходил какой-то разговор.

Наверху, на входе в подвал хлопнула дверь. Послышались шаги спускавшегося по лестнице человека. Один из двоих за дальним столом, тот, что сидел лицом к входу, с любопытством поднял глаза.

В узком квадратном проеме появился молодой, – не старше тридцати лет, – мужчина в белом под горло свитере и распахнутом длиннющем пальто. На пороге он остановился, глянул на стойку. Бармена за ней не было. Потом взгляделся в единственных сидевших здесь посетителей. Тот из двоих, что смотрел на него, отвел взгляд.

Человек в пальто решительно направился в их сторону. Сидевший к нему лицом посетитель вновь вскинул глаза. Но гость подошел не по его душу. «Пальто» хлопнул по плечу того, что сидел к нему спиной. Тот вздрогнул, повернулся. Губы растянулись в улыбке. Они обменялись крепким рукопожатием.

Затем «пальто» стремительно подошел к стойке, постучал по ней костяшками пальцев. Прождав не больше пяти секунд, – никто к нему не вышел, – прошел вдоль стойки туда, где между ней и стеной был проход. Зайдя за стойку, скрылся за дверью, которая вела на кухню.

Гость, сидевший лицом к входу, отхлебнул из кружки пиво, спросил приятеля:

– Кто это?

– Робик, – ответил тот хриплым голосом. – Верховодит цыганами.

Спрашивавший имел к криминальному миру лишь косвенное отношение. Но мечтал приблизиться к тем, кто нажимал в этом замкнутом мирке на скрытые пружины. Поэтому внимательно слушал.

– Долгое время его не было видно. Говорят, Робик сидел в сумасшедшем доме.

– Так значит, он из психов? – простодушно заметил расспрашивавший.

– Нет... Косит под психа, но на самом деле голова у него работает лучше, чем у любого нормального. Саша мне сказал, – говоривший упомянул общего знакомого этих двоих, – что Роберт вышел из психбольницы с целой свитой. То есть, может, они освободились и в разное время, но после выхода прибились к нему. Все эти ребята – настоящие психи. Роберт верховодит ими, дает им дело, но получает с них отличную отдачу. Они «поднимают» деньги только так... Особенно отличается какой-то парень... Из деревни, но хитер. Зовут Евграф. Говорят, этот Евграф имеет отличные шансы даже и среди настоящих воров.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Московские улицы погрузились в хмарь. Толи зима, толи поздняя осень... А ведь на самом деле весна! В такую погоду Евграф чувствовал себя особенно отвратительно. В эти дни он ловил себя на мысли: проще в такие периоды не бегать по городу, придумывая, как раздобыть денег, которыми потом все равно придется поделиться с Робертом, а провести время в палате психиатрической лечебницы. Хоть и считается, что там очень плохо. Зато какое умиротворение наступает после какого-нибудь хорошего укола. Врач никогда не отказывал Тюрморезову, если тот плохо себя чувствовал. Всегда делал требуемую инъекцию.

Вспоминать о сумасшедшем доме с тоской Евграф начал не сегодня. Примерно месяца с полтора назад его психическое состояние ухудшилось. То в голову лезли всякие бредовые идеи, то сердце сдавливала холодная лапа тоски. Тюрморезов предчувствовал срыв. Только не мог предугадать, в чем он проявится.

Ему до смерти надоели новые знакомые: Роберт и окружавшие его уголовники. А так же бывшие обитатели сумасшедшего дома. Заодно с Евграфом они участвовали в различных делах банды.

Тюрморезов чрезвычайно опасался нового приступа собственной «неадекватности». Дела, к которым Робик подталкивал психов, описывались статьями уголовного кодекса. Правда, их участие в преступлениях будет непросто доказать. В основном Евграф и его «кол-

леги» действовали, как наводчики. Или выполняли часть преступной работы «воров на доверии». Собственно похищением ценностей занимались профессиональные воры, которых в последний момент вводил в дело Роберт.

Евграф уже поспособствовал краже золотой утвари из двух подмосковных церквей. После второй кражи, – при том, что в обеих он выступал лишь как наводчик и человек, благодаря которому цыгане Роберта смогли изготовить дубликаты ключей, – Тюрморезов впал в странную для него, прежде никогда с ним по таким поводам не случавшуюся депрессию. Через день после похищения утвари он едва не пришел к настоятелю обкраденного прихода и не рассказал ему всю правду.

«У меня нет совести!» – думал Евграф, валяясь на матрасе, постеленном прямо на полу в комнате квартиры, снятой Робертом для психов. Перед этим Тюрморезов съездил на электричке в городок, где располагался храм, но до цели не дошел. «Вовремя остановился!» – показалось ему в тот момент. Он зашел в местное кафе, что напротив храма, сел за столик у окна. Из него открывался вид на обкраденную церковь. Выпил, почти что залпом, не закусывая, пять кружек пива.

После четвертой ему полегчало. После пятой он встал, расплатился с официанткой и пошел обратно на станцию.

Теперь к нему вернулись прежние муки. В этой комнате он был главным. Большинство обитателей успели вернуться после своих «дел» и так же, как Евграф, лежали под одеялами на матрасах. Он был здесь заводилой, королем, мозгом, решавшим, что и кому делать. Но теперь ему казалось: лучше бы ему жить в шкуре самого неприметного, бездарного из сумасшедших, который не годен ни на что, кроме как просить милостыню.

Провалившись ночь без сна, он пришел лишь к одному выводу, – ему пора лечиться. Иначе нынешняя «сумасшедшая» жизнь доведет его либо до все того же лечения, только принудительного, либо до тюрьмы. На этот раз могут признать вменяемым и засудить за участие в воровстве. Ни в тюрьму, ни в психлечебницу с решетками Тюрморезову не хотелось.

Евграф решил обратиться за помощью к врачу-психиатру. Тут в его сознании произошел сбой: вообразил – консультации обычного специалиста в каком-нибудь психоневрологическом диспансере будет недостаточно. Способен помочь лишь самый лучший специалист!.. Какой-нибудь профессор или академик.

Тюрморезов приступил к поискам.

Поскольку Роберт выдавал членам банды деньги, он довольно придирчиво следил за тем, кто и чем занимается. Когда Тюрморезов стал целыми днями пропадать в одном учебном заведении, пренебрегая своими «обязанностями», покровитель психов забеспокоился.

Евграф, который не хотел выдавать своих истинных мотивов, к этому моменту уже придумал объяснение: профессор психиатрии, с которым он пытался войти в контакт, был отцом одного очень богатого бизнесмена, вдовцом, жил вместе с сыном в его загородном особняке.

Каждое утро его привозил на работу автомобиль с водителем. Ждал у подъезда института, затем отвозил в психиатрическую клинику, где профессор практиковал. Вечером увозил за город.

Сын половину времени проводил за границей. Тогда профессор оставался единственным, если не считать прислуги, обитателем богатого дома.

Предполагалось, в особняке, который находился на территории охраняемого коттеджного поселка, должны быть ценности. Коллекция картин, сейф с наличными, старинные ювелирные изделия. Служба безопасности и сигнализация оставляли мало шансов для тех, кто задался целью похитить их. Евграф пообещал Робику: придумает простой и не подразумевающий риска способ пошарить в богатом доме и благополучно покинуть его, захватив с собой все ценное.

После этого главарь банды не задавал вопросов, если Тюрморезов в очередной раз провел день в известном учебном заведении.

Теперь Евграф торопливо шагал по тротуару. Мокрые хлопья снега ложились под ноги. Фары машин, проезжавших мимо непрерывной вереницей, тускло светились. Тюрморезов опаздывал. Его ждал профессор. Договорились, что вместе поедут к тому дому. В подмосковный особняк.

Впервые в жизни Церковный Псих, – так окрестили Евграфа товарищи, – искренне хотел вылечиться. «Я болен! Болен! – повторял про себя Тюрморезов весь этот месяц. – Но я смогу выздороветь. Профессор сотворит чудо. Я начну новую жизнь. Поменяю имя и фамилию, куплю новый паспорт. Никогда больше тень из моего прошлого не осквернит моей будущей жизни».

Энтузиазм Евграфа подкреплялся воодушевлением профессора Бердникова. Тюрморезов сначала представился ему, как скромный аспирант из провинции, которому всего-то и нужно: возможность посещать лекции Дмитрия Николаевича, быть в курсе его последних научных идей. Затем Евграф улучил момент и рассказал Бердникову, который к тому моменту изрядно благоволил к нему, что он «сам в течение всей жизни испытывал приступы тяжелой психической болезни, в которой не мог разобраться. Единственная цель – понять самого себя – привела в науку психиатрию».

Профессор был впечатлен признанием Тюрморезова. Испытал к молодому «аспиранту» сильный профессиональный интерес. Ведь ученик оказался одновременно пациентом!

Важная деталь истории: Евграф, при том, что желание вылечиться было искренним и огромным, не мог раскрыть перед «лечащим врачом» подлинной картины собственной жизни.

Он городил одну ложь на другой, но вымысел был столь правдоподобен, что вызывал у искушенного профессора вместо подозрений лишь еще больший научный интерес. К тому же, Евграф настолько хитер, что оставлял себе небольшую дорожку для отхода. Сообщал профессору: некоторые факты собственной биографии передает на данном этапе «иносказательно», лишь позже откроет всю правду.

Профессор не любопытствовал. Не видел в якобы «иносказательно» переданных подробностях ключевого значения.

Главное, что утаивал Евграф – это его агрессивность и коварство, с которым он всегда претворял в жизнь свои планы. У пожилого ученого не должно было возникнуть и тени подозрения, что необычный пациент может представлять опасность для него самого – лечащего врача.

Для профессора Бердникова излечение практически безнадежного, – так он сам оценивал его состояние, – Тюрморезова стало делом профессиональной гордости и чести. Между тем, ему стоило поостеречься. Такие, как Евграф, похожи на матрешку – под одной личиной кроется другая, потом – третья и так до тех пор, пока не вскрыется еще одна, которая грубым образом не прекратит научное исследование.

Глава одиннадцатая

Что бывает, когда два самолюбивых психа оказываются в одной банде

Прошлое Психа

Псих не переставал ненавидеть своего давнего врага, «успехам» которого он всегда завидовал черной завистью – Психа Церковного – Тюрморезова. Этому способствовало и то, что Робик из всех выпускников психушки, входивших в его «инвалидную» команду, всерьез воспринимал только Евграфа.

Скворцов – в тот момент он носил другую фальшивую фамилию, но мы для удобства будем называть его этой, последней – выполнял в дикой, но весьма слаженно действовавшей компании роли, унижительные для его чрезмерно развитого самолюбия. Иногда ему приходилось ходить по квартирам, звоня во все двери подряд. Надежда была на то, что где-нибудь хозяева по глупости откроют. Тогда Скворцов наметанным глазом определял, могут ли в этой квартире храниться ценности. Следом по адресам наведывались другие людишки. Они тоже подчинялись указаниям Робики.

Однажды Скворцову пришлось целый месяц пробыть подсобным рабочим в особняке состоятельного человека. Получить это место оказалось непросто. Работодатель был осторожен и придиричив. Псих напряг все свои актерские способности. Из вчерашнего пациента «дурки» тюремного типа переродился в тихого библиотекаря, которого выгнала из дома жена. Якобы ему негде ночевать...

Коттедж бизнесмена был обчищен. На Психа не упала даже тень подозрения. Он благополучно доработал обговоренный первоначальным соглашением срок. А к тому времени, когда на новом витке полицейского расследования Психа решили опять вызвать на допрос, он уже испарился... Во время прошлой беседы в уголовном розыске даже поддельные документы Психа – и те не привлекли внимания «органов».

«Я гениально провел эту операцию, – думал Псих. Его самолюбие в иные моменты становилось манией величия. – Но никто не считает меня королем. Робик не испытывает ко мне такого уважения, как к Тюрморезову. Я должен каким-то образом развенчать Евграфа, занять его место в банде. Но как сравнить Церковного Психа с землей? Где тот момент, на котором его можно уничтожить?»

Псих давно уже внимательно присматривался к Тюрморезову. Это вошло у него в привычку, стало потребностью еще со времени психиатрической больницы. Насколько мог, изучил повадки Евграфа. Непреодолимая сложность заключалась в том, что Тюрморезов – человек глубоко двойственный. Даже тройственный. Евграф сам, скорее всего, не мог осознать, сколько разных душ кроется внутри его телесной оболочки. Если Псих изучил поведение Тюрморезова в, так сказать, регулярные периоды его жизни, то это еще ничего не значило. Все свои неожиданные, шокирующие поступки Евграф совершал в периоды, когда он словно бы и не был тем прежним человеком, за которым пристально наблюдал Скворцов. Именно в эти моменты, как прекрасно понимал Псих, Евграфа и нужно подлавливать. Но Тюрморезов всегда действовал с ошеломляющей стремительностью. Прежде чем Скворцов успевал что-либо сообразить, все было закончено.

Когда Евграф стал пропадать целыми днями в институте, где преподавал «его» профессор, а Робик неожиданно встревожился, Псих понял: судьба дает ему шанс. Тюрморезов

явно находился на грани очередного психического срыва или, иначе говоря, истории в своем фирменном духе. Скворцов сам обладал крайне нестабильной психикой. Отлично представлял, как себя чувствует человек на грани падения в тот черный колодец, в котором побывал едва ли не каждый пациент психушки. Поэтому уловив в поведении Евграфа одному ему понятные и заметные признаки обострения болезни, Скворцов напрягся.

Тюрморезов вдруг начал глотать какие-то таблетки. Какие – Психу не удавалось рассмотреть.

Прежде, кроме времен психбольницы, употребления медикаментов за Тюрморезовым он не замечал. Затем несколько раз Псих был свидетелем того, как Евграф вдруг ложился на свой матрас, укрывался с головой одеялом и лежал так часов по десять – пятнадцать, не вставая и практически не шевелясь.

Скворцов принялся тайно следить за Евграфом. Он выходил из квартиры за полчаса – час до того, как это сделает Тюрморезов. Провожал его, шагая сзади на значительном расстоянии, до станции метро. Преследовал и там, садясь в соседний вагон и наблюдая за ним через стекла. В половине случаев терял Евграфа из вида, так как опасался слишком приближаться к нему – приятель мог заметить и насторожиться. Но все же, при всех неудачах, очень скоро Псих выяснил, куда ездит Евграф и с кем общается.

Псих научился проникать в институт, хотя там была пропускная система. Так же как и Евграф, он выдавал себя то за курьера, то за приглашенного преподавателя... Охрана была не очень строга.

Смог Псих проследить и за автомашиной, которая привозила и отвозила профессора. Скворцов нанял одного знакомого, у которого был старенький автомобильчик. Вслед за представительским лимузином, в котором на заднем сидении катил объект слежки, они доехали до самого коттеджного поселка. В течение следующей недели Скворцов умудрился добыть из различных источников недостававшую информацию и после этого картина стала ему понятна.

Но тут Евграф и сам рассказал все Роберту. Разговор происходил в квартире, в которой ночевали все бывшие обитатели сумасшедшего дома. Псих расслышал его от первого до последнего слова. Скворцов чувствовал – но пока не мог объяснить своих ощущений, – что Евграф вовсе не охотится за ценностями, спрятанными в доме профессорского сына. Суть тут в чем-то другом. Но как до нее докопаться?

Псих разработал хитроумный план. Он приобрел в обычном магазине электроники портативный диктофон. Это устройство свободно записывало человеческую речь в течение нескольких часов.

Прежде Псих успел заметить, что приходя к профессору после того, как тот заканчивал занятия со студентами, Евграф обычно шел вслед за ним в пустую аудиторию. Чаще всего это была одна и та же комната. Там, сидя на первой широкой парте, они о чем-то подолгу беседовали. Смысл этого разговора и был ключом к загадке, которую пытался разгадать Скворцов.

У него был припасен рулон обычного скотча. Заскочив в пустую аудиторию, – Евграф уже поджидал профессора в другом коридоре, – Скворцов примотал скотчем диктофон под крышкой той самой первой парты, которую так любили Тюрморезов с профессором. Нажал кнопочку. Электронное устройство начало свою работу.

Скворцов допускал, что план может с первого раза и не удастся. Беседы в аудитории происходили не в каждый приход Тюрморезова в институт. Однако пессимизм Психа не оправдался. Двое зашли-таки в эту комнату, прикрыли за собой дверь. Пробыли они за ней около получаса. Затем вышли. Профессор отправился на заседание ученого совета, а Евграф покинул институт.

Псих опять зашел в аудиторию, выключил диктофон. Отмотав скотч, засунул устройство в карман.

Ему не терпелось прослушать запись, но он предпочел не спешить. Выйдя из здания, долго кружил по окрестным кварталам, подыскивал место, где бы мог в тихой и спокойной обстановке прослушать запись. Наконец, он набрел на здание культурного центра, в фойе которого проходила выставка картин какого-то художника. Вход на нее – бесплатный. Об этом было написано в скромной афише, висевшей у входа.

Скворцов зашел внутрь, поклонился минуты три возле картин. Потом уселся на обитую красным бархатом скамеечку, стоявшую у стены. В фойе было пусто. Он был здесь один.

Псих включил диктофон... Через двадцать пять минут Скворцов знал разгадку: на самом деле Тюрморезов отчаянно хочет перестать быть Церковным Психом. Никакие богатства коттеджа, в котором живет профессор, его не интересуют. Все это – лишь отговорка для ушей Робика.

Конечно, Тюрморезов может сказать, что его желание стать нормальным человеком – лишь спектакль, чтобы втереться в доверие к Бердникову. Спорить с таким утверждением будет трудно. Но чутье говорило Скворцову: разговор с профессором – не игра. Евграф искренен на сто процентов! Ему очень плохо, и он хочет поправиться!

В фойе появилась пожилая женщина – сотрудница центра. Она остановилась, некоторое время рассматривала Психа. Скорее всего, ее внимание привлек не он сам, а диктофон, который он держал в руках. Может быть, решила, что он – журналист, пришедший взять у кого-нибудь интервью возле экспозиции картин?

Она отвела взгляд. Псих торопливо засунул диктофон в карман куртки, поднялся со скамейки и энергичным шагом направился к двери.

На улице он пять минут постоял под пронизывавшим ветром, который поднялся, пока он был в культурном центре. Потом направился к метро – ехать «домой», на съемную квартиру.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

– Думаешь, я ни о чем не догадываюсь?.. Решил отколоться и завязать? – тон Робика был каким-то странным: усталым, отстраненным. Казалось, он говорит не о том, что Евграф хочет покинуть банду, а о семейных делах человека, которого собеседник случайно упомянул в разговоре. Роберту до этого человека дела нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.